

ЖУВН

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLIII г.

№ 3

Выходитъ ежемѣсячно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLIII

1912

Выданъ 21-го января 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Помяловскаго“ кн. I.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Золотая паутина.

Повѣсть В. А. Тихонова.

И. зъ крошечной передней ведутъ четыре двери: одна — входная съ „парадной“ лѣстницы, напротивъ нея — прямо въ коридоръ. Правѣ дверь наискось — въ гостиную; а совсѣмъ направо отъ входа — въ кабинетъ. Лѣвая стѣна занята вѣшалкой. На ней два офицерскихъ пальто: одно лѣтнее, другое потеплѣе, женская кофточка и какая-то драповая тальма. Надъ дверью въ коридоръ горитъ небольшая лампочка съ жестянымъ рефлекторомъ.

Всю крошечную переднюю занимаетъ грузная фигура вахтера Потрашина; лысая его голова съ полусѣдыми усами покрыта потомъ. Онъ то и дѣло вынимаетъ изъ обшлага своей солдатской шинели довольно опрятный носовой платокъ и обтираетъ имъ лицо, лысину и жирный затылокъ. Въ квартирѣ жарко.

Изъ коридора слышенъ ребячій крикъ...

„Бѣднота! — думаетъ Потрашинъ. — И при томъ семейство... Ну, да такъ долго не уживется... Или его сплавятъ, или самъ въ люди пойдетъ... Не первый такой... Приѣдетъ, какъ голубь общипанный, а тамъ смотришь — павлинь-павлиномъ... Хоть бы капитанъ Жиwickій... Давно ли въ такой же квартиркѣ перебивался? А теперь посмотри-ка съ какимъ форсомъ живетъ! Барыня-то вся въ соболяхъ ходитъ... А приѣхали тоже вотъ не лучше такой кофточки носила...“

И Потрашинъ съ презрѣніемъ смотритъ на висящую на вѣшалкѣ кофточку.

„Обойдется и этотъ! Обойдется! Только одно, пока обойдется, всегда нарушеніе въ производствѣ дѣлъ бываетъ... Ну, а потомъ опять, какъ по маслу, пойдетъ...“

Н. Пимоненко. Шалуны. Всемирная выставка въ Римѣ. Русскій отдѣлъ.

— Потрашинь!—раздался голосъ изъ кабинета.

— Здѣсь, ваше вы-діе!—отозвался вахтеръ и, немного подтанувшись, отворилъ дверь.

Въ крошечномъ кабинетѣ, заставленномъ рыночной мебелью, за маленькимъ письменнымъ столомъ сидѣлъ молодой еще человекъ въ тужуркѣ военного вѣдомства. Онъ былъ худощавъ, блѣнокуръ и, пожалуй, даже невзраченъ. Ничего военного, ничего франтоватаго въ немъ не было. Напоминалъ онъ скорѣе учителя гимназій, чѣмъ офицера. Для довершенія сходства съ первымъ онъ даже носилъ очки, изъ-за стеколъ которыхъ смотрѣли большіе голубые и какіе-то безвольные глаза.

— Вотъ тутъ я подписалъ три ордера, и фактуры провѣрилъ,—заговорилъ онъ пріятнымъ, мягкимъ голосомъ.—А четвертаго ордера понять не могу: или тутъ напутано, или съ фактурой что-то неладно. Понимаешь, не сходится что-то.

— Ошибку, должно-быть, въ канцеляріи сдѣлали,—слегка покраснѣвъ, проговорилъ Потрашинь и подумалъ:

„Вотъ оно—„нарушеніе-то“ „въ производствѣ дѣлъ“.

— Такъ ты это возьми назадъ и скажи, чтобъ въ складѣ провѣрили. А то я, пожалуй, завтра утромъ самъ могу провѣрку сдѣлать.

— Чего жъ вамъ самимъ беспокоиться, ваше высокоблагородіе,—добродушно заговорилъ Потрашинь:—провѣримъ и мы. Мало, что ли, насъ тамъ?

— Ну, хорошо! Провѣрьте! А я завтра все-таки заѣду... Ну, а теперь можешь идти.

— Счастливо оставаться, ваше вы-діе!

И Потрашинь, повернувшись какъ-то „по-вольному“, а не по военному, прошелъ изъ передней въ коридоръ и, почти не смягчая шаговъ, вышелъ въ кухню.

Въ кухнѣ было тѣсно, сушились какія-то пеленки, кухарка сидѣла и пила чай.

„Бѣднота!“—подумалъ опять Потрашинь и, кивнувъ кухаркѣ головой, вышелъ на черную лѣстницу.

II.

Оставшись одинъ въ кабинетѣ, молодой человекъ въ военной тужуркѣ, Василій Алексѣевичъ Ефремовъ, потянулъ къ себѣ стаканъ въ никелевомъ подстаканникѣ и отхлебнулъ глотокъ совсѣмъ уже остывшаго чая. Потомъ задумчиво потеръ переносицу и закурилъ папиросу.

„Этотъ Потрашинь, должно-быть, превеликая шельма,—подумалъ онъ при этомъ:—и съ нимъ надо держать ухо востро... Вотъ изъ-за такихъ-то каналий сколько человекъ подъ судъ попало!... Можетъ-быть, и невинныхъ совершенно, а просто черезчуръ доврчивыхъ... Чтò жъ, я зналъ, куда шель... Будемъ на чеку...“

И, стряхнувъ пепель, онъ громко крикнулъ:

— Люся! Люсенка!

— Что?—отозвался откуда-то женскій голосъ.

— Можешь на минутку ко мнѣ?

Послышались легкіе женскіе шаги, и въ кабинетъ вошла молодая женщина, стройная, красивая, но съ усталымъ лицомъ и очень небрежно причесанная. На ней были какая-то домашняя блузка, короткая юбка и стоптанныя туфли.

— Ну?—спросила она, останавливаясь въ дверяхъ.

— Такъ какъ же мы рѣшимъ: поѣдемъ мы съ тобой къ Живицкимъ?—спросилъ онъ.

— Послушай, Вася,—съ легкимъ раздраженіемъ заговорила молодая женщина:—ну, самъ ты посуди: въ чемъ я поѣду? Выѣздное платье у меня одно единственное...

— Да они пишутъ: „запросто“,—перебилъ мужъ.

— Ахъ, милый! „Запросто“, „запросто!“ И ничего ты въ этомъ не понимаешь! Въ моемъ выѣздомъ я была у нихъ уже два раза—и съ визитомъ и на званомъ обѣдѣ; теперь, значить, въ немъ же и „запросто“ ѣхать. А потомъ куда-нибудь въ театр—опять въ немъ... Нельзя этого, голубчикъ!

— А развѣ у тебя ничего нѣтъ этого... домашнего?

Ольга Федоровна грустно улыбнулась.

— Нѣтъ, голубчикъ! Въ моемъ „домашнемъ“ къ madame Живицкой не разлетишься! Въ немъ хорошо было въ Порховъ къ попадѣ въ гости чай ходить пить, а здѣсь—не то!..

Василій Алексѣевичъ задумчиво потеръ себѣ переносицу.

— Да и, кромѣ того,—устала я сегодня: всю ночь съ Мусей возилась... Поѣзжай ужъ лучше ты одинъ, а я пораньше спать лягу.

— Надо тебѣ непременно по крайней мѣрѣ еще два платья сдѣлать!—раздумчиво проговорилъ онъ.

— Надо,—опять грустно улыбнулась Ольга Федоровна.

А потомъ, немножко помолчавъ, добавила:

— А на какіе шиши? У насъ, голубчикъ, столько этихъ неотложныхъ „надо“ накопилось, что и не перечтешь!.. Вотъ зима подходит, дѣтишкамъ теплыя пальто надо дѣлать, драпировки въ гостиной надо повѣсить, а то принять никого нельзя...

— Ну, драпировки можно и въ кредитъ взять,—началь-было мужъ.

Но Ольга Федоровна сейчасъ же его перебила:

— Ахъ, Вася! Не говори ты мнѣ, пожалуйста, про этотъ кредитъ. Это такое счастье, что у насъ до сихъ поръ ни копейки долгу нѣтъ. А съ кредитомъ и не замѣтишь, какъ запутаешься и въ петлю влѣзешь!

— Ну, здѣсь, милая, иначе и жить нельзя. Здѣсь вѣдь не Порховъ или не Великіе-Луки...

— Отчего нельзя? Можно. Жалованье ты теперь получаешь хорошее—больше, чѣмъ вдвое, будемъ жить скромно, да понемножку-полегоньку и обзаведемся всѣмъ... Ахъ, голубчикъ, такъ-то спокойнѣе, такъ-то вѣрнѣе.

— Да, но чтобъ сдѣлать здѣсь карьеру, нужно...

— Знаю, знаю, знаю!—перебила его жена.—А ты не дѣлай карьеры, то-есть быстрой карьеры. Ты просто—преуспѣвай по службѣ. Эти быстрыя карьеры такъ же быстро и лопаются, какъ создаются. А добросовѣстная работа рано или поздно—всегда оцѣнится. Не торопись. Благо я отъ тебя вѣдь ничего не требую—ни выѣздовъ, ни пріемовъ, ни нарядовъ. Сыты мы будемъ, дѣтишки еще маленькія... Такъ, шагъ за шагомъ, камень за камнемъ, и созидай свой домикъ, безъ прыжковъ, безъ скачковъ, безъ блестящихъ отличій.

Василій Алексѣевичъ задумчиво теръ переносицу. Онъ понималъ, что жена говоритъ правду, но правда эта была такая скучная, такая сѣренькая. Конечно, онъ и самъ по натурѣ не авантюристъ, не верхолетъ и не забулдыга. Но міръ фантазій былъ не чуждъ и ему. Любилъ онъ иногда, растянувшись на своей старенькой оттоманкѣ и закинувъ руки за голову, возлетѣть „во области заочны“ или, какъ онъ выражался, слегка мечтануть. А мечты ему неизмѣнно рисовали самое буржуазное счастьеце: усадьбу на берегу рѣки, лошадокъ, коровокъ... Мечталъ онъ и дѣтямъ дать хорошее воспитаніе; мечталъ, впрочемъ, даже себѣ служебное имя составить. Вотъ, дескать, Василій Алексѣевичъ Ефремовъ, безъ треску и шуму дѣло сдѣлалъ, пятидесяти лѣтъ нѣтъ, а какой видный постъ занимаетъ, да и дѣло свое знаетъ, какъ никто! Чуть какая путаница или завируха, къ кому обратятся? Къ Ефремову! „Василій Алексѣевичъ, пожалуйста, разберите, чтò у насъ тутъ напутано!“ А онъ придетъ и разберетъ! Ну, тутъ ужъ и портретъ въ газетахъ, „назначеніе на этотъ отвѣтственный постъ такого серьезнаго и добросовѣстнаго знатока дѣла, какъ генералъ Ефремовъ, несомнѣнно ручается...“ и т. д., и т. д.

Это-то вотъ и называлъ Василій Алексѣевичъ „мечтануть“.

Были, впрочемъ, у него и другія слабости. Чтò грѣха таить, и еще юнкеромъ носилъ онъ прозвище „сердечкинъ“ и влюблялся, чтò называется, пѣходя. Но вотъ судьба послала ему жену, молодую, красивую, добрую, ну, однимъ словомъ, прекрасную жену. И влюбился онъ въ свою жену, а потомъ и дѣтки пошли... правда, все дочки: одна, другая, третья... И дѣтокъ онъ своихъ любилъ горячо и объ амурныхъ приключеніяхъ даже и думать забылъ. Служба его протекала въ маленькихъ уѣздныхъ городкахъ, интереснѣе и красивѣе его жены тамъ никого и не было. Она прямо тамъ красавицей считалась. Такъ и говорили: „лучшее украшеніе нашего города—Ольга Федоровна Ефремова“.

Ну, а теперь вотъ сюда его перевели, и здѣсь онъ съ головой въ службу ушелъ. Но, къ сожалѣнію, здѣсь, помимо службы, еще разныя личныя отношенія требуются: и съ непосредственнымъ начальствомъ, да и въ кругахъ вообще. Прежде всего Ефремова поразила роскошь здѣшней жизни. Люди, почти равные съ нимъ по положенію, получающіе почти одинаковое жалованье, ну... развѣ немного побольше, а живутъ такъ, что и тройного жало-

ванья не хватить: квартиры, обстановки, разные развлечения... Да на какія же это средства? И оказывается, что тотъ наслѣдство хорошее получилъ, этотъ за женой большое приданое взялъ, а про третьяго прямо говорятъ: „счастливо въ карты играетъ“.

А вотъ ему, Василию Алексѣвичу, наслѣдства никакого не предвидится; за женой онъ не получилъ ни гроша,—реверсъ, да и тотъ дутый былъ, а въ карты онъ лапти плететь. Да, признаться, онъ не охотникъ до нихъ.

Спрашивается: какъ же ему тягаться со своими теперешними сослуживцами? „Что жъ, трудно, а надо! Ну, добросовѣстностью службы возьму! Буду работать, какъ волъ, буду въ каждую мелочь входить, постигну механику дѣла въ совершенствѣ, сдѣлаюсь необходимымъ—это меня и выдвинетъ...“

III.

— Такъ что ты не поѣдешь?—спросилъ онъ, поворачиваясь къ женѣ.

— Скажи, что дѣтишки не совсѣмъ здоровы, что я ихъ оставить не могла. Знаю, конечно, что здѣсь это не отговорка, ну, да мы—провинціалы, люди скромные. Пусть съ насъ не взыщутъ.

Василій Алексѣвичъ вздохнулъ, всталъ, открылъ небольшой шкапчикъ и вынулъ оттуда сюртукъ, а черезъ четверть часа онъ уже ѣхалъ на извозчикѣ по главной улицѣ города.

Любуясь на большія, ярко освѣщенные, окна магазиновъ, на разложенныя на нихъ разные интересныя, заманчивыя вещицы, обгоняемый гудящими автомобилями, онъ думалъ:

„Нѣтъ, а все-таки богатымъ хорошо быть... Ужъ по крайней мѣрѣ тѣмъ хорошо, что чувство зависти не развивается. Вотъ сейчасъ заѣхалъ бы, женѣ бы шляпу купилъ, дѣтямъ бы все, что нужно... Конечно, на этой квартирѣ не остался бы и на извозчикахъ ѣздить не сталъ бы... Сколько на нихъ даромъ времени теряется: плетешься-плетешься... То ли дѣло автомобиль—разъ, два и—готово! Въ какой-нибудь часъ успѣешь побывать въ пяти мѣстахъ, вездѣ дѣло дѣлаешь“...

Его извозчикъ свернулъ влѣво, и мысли Василя Алексѣвича приняли болѣе серьезный характеръ.

„Да! Завтра непременно нужно въ складъ пойти и самому все провѣрить. А то полагаться на Потрашина да на Федосеюшкина—опасно... Кстати, сегодня же надо будетъ спросить о поставкѣ Ермолаева: какъ ему неустойку высчитывать? Шельма этотъ Ермолаевъ! По глазамъ вижу, что сунуть въ руку хочетъ, да не рѣшается... Попробовалъ бы, сунуль!.. Узналъ бы онъ у меня скамью подсудимыхъ!.. И Потрашинъ сегодня намекаетъ: „Ермолаевъ, говоритъ, соотвѣтствующій человѣкъ!“ Спрашиваю: что значитъ—соотвѣтствующій? Мнется... „Да такъ, говоритъ, вообще... Ежели что за нимъ, такъ задержки не будетъ...“ А вотъ закачу я этому „соотвѣтствующему“ неустоечку, такъ... такъ будетъ поосторожнѣе съ казенными подрядами...“

— Стой! Стой! Направо!—крикнулъ онъ извозчику.

И дрожки остановились у подъѣзда.

Красивый швейцаръ распахнулъ передъ Ефремовымъ дверь.

— Капитанъ Живицкій дома?—спросилъ Ефремовъ больше для проформы, такъ какъ зналъ отлично, что Живицкій дома.

— Пожалуйте!—проговорилъ швейцаръ, принимая пальто и давая звонокъ въ квартиру номеръ третій.

Протирая очки, Ефремовъ поднимался по широкой лѣстницѣ, устланной ковромъ, какъ-то странно улыбался и покачивалъ головой.

— Какъ живутъ! Какъ живутъ!—бормоталъ онъ про себя

Въ третьемъ этажѣ у раскрытой уже двери его встрѣтила нарядная горничная въ элегантномъ передникѣ и кружевномъ чепчикѣ. Бросивъ фуражку на столъ, Ефремовъ пошелъ въ гостиную, отдѣланную блѣдно-сѣрымъ, серебристымъ шелкомъ, залитую электрическимъ свѣтомъ, устланную мягкимъ ковромъ.

— Господа въ столовой, пожалуйста прямо туда, — сказала вошедшая за нимъ горничная.

Изъ столовой доносились громкіе женскіе и мужскіе голоса. Въ числѣ послѣднихъ онъ сразу узналъ хриловатый, но внушительный басомъ своего непосредственнаго начальника, полковника Александра Александровича Пазухина.

Ефремовъ обдернулъ сюртукъ и вошелъ въ столовую

— Опять безъ жены?—крикнула ему навстрѣчу молодая и очень красивая хозяйка дома.

— Она очень извиняется... ребенокъ не совсѣмъ здоровъ... Не спала ночь... — цѣлуя ей руку и конфузясь, говорилъ Ефремовъ.

— Ну, здоровайтесь и садитесь пить чай!

Ефремовъ повернулся къ худощавому, невзрачному полковнику Пазухину и, щелкнувъ шпорами, наклонилъ голову.

— Здравствуйте! Здравствуйте, голубчикъ! — басомъ, такъ не шедшимъ къ его маленькой фигурѣ, проговорилъ полковникъ и протянулъ руку.

Рядомъ съ полковникомъ сидѣла молоденькая, рѣдкой красоты женщина.

— Ахъ, да! Вѣдь вы не знакомы? Позвольте васъ познакомиться! — крикнула черезъ столъ хозяйка. — Моя сестра, Вѣра... Вѣра Андреевна Лихтенбергъ. А это нашъ другъ и сослуживецъ мужа—Василій Александровичъ Ефремовъ.

— Алексѣвичъ,—поправилъ стоявшій уже возлѣ высокій и статный офицеръ съ пышными усами, самъ хозяинъ дома, Викторъ Адамовичъ Живицкій.

Затѣмъ, тиснувъ Ефремову руку, онъ взялъ его подъ локоть и посадилъ за столъ рядомъ съ собой.

— А когда у васъ телефонъ поставятъ? — вполголоса спросилъ онъ его.

— Да вотъ на-дняхъ... на-дняхъ, должно-быть, я подамъ заявленіе...—торопливо заговорилъ Ефремовъ.—Все не рѣшался... не зналъ еще, останусь ли я на этой квартирѣ, или нѣтъ... А теперь вотъ рѣшилъ остаться, ну, и...—говорилъ Ефремовъ, а самъ въ это время думалъ:

„Батюшки! Еще вотъ сколько за телефонъ внести придется! А-ахъ!“

И онъ внутренне вздохнулъ.

— Такъ я вотъ продолжаю, — рокоталъ своимъ басомъ полковникъ Пазухинъ.—Понимаете,—обратился онъ къ Ефремову:—я рассказываю тутъ про одного моего знакомаго... который на-дняхъ мнѣ говорилъ: „я, говоритъ, полковникъ, бюро тутъ въ городѣ открываю, бюро для торговли... э-э... принципами...“—Что-о такое-е?—спрашиваю. „Да вотъ, говоритъ, принципами хочу торговать; принциповъ, говоритъ, у меня много накопилося... и разные все: на всякій вкусъ. Такъ, наприимѣръ, говоритъ, объѣлся человѣкъ всѣмъ, ничего ему больше ужъ не нужно, и только подъ ложечкой у него сосетъ... Ну, вотъ, я ему сейчасъ принципъ „опрощенія“ и всучу!.. На сытый-то желудокъ это хорошо, говоритъ... помогаетъ... А у другого, говоритъ, наоборотъ, съ голоду, *passer moi le mot*, животъ подводитъ... и тутъ у меня принципъ есть... „о равномѣрномъ распредѣленіи земныхъ благъ и о свободѣ совѣсти...“ Понимаете, берн, дескать, гдѣ плохо лежитъ. „И по Шопенгауэру, говоритъ, у меня, и по Ницше, и даже по Мальтусу“. Однимъ словомъ, по всѣмъ философамъ принципы есть... „А вѣдь человѣку, говоритъ, что нужно? Главнымъ образомъ имѣть „принципіальное“ оправданіе своихъ поступковъ... Воруюсь, дескать? Ворую, но—по принципу!.. Ну, и правъ! Какъ его судить, если онъ „по принципу?“ Идеинный, дескать, человѣкъ, идеѣ служить. Ну, какъ его осудишь? Да, говоритъ, полковникъ, только, говоритъ, у меня одно правило: деньги впередъ!“—Т.-е. какъ, говорю, впередъ?—„Да такъ, говоритъ,—прежде пусть заплатятъ, а потомъ ужъ я принципъ всучу. А то, говоритъ, у меня преимущественно все такіе принципы, что если его раньше открыть, такъ ужъ человѣкъ ни за что платить не станетъ. Принципіально, говоритъ, не станетъ, чортъ его побери!“

И полковникъ расхохотался. Улыбнулись и другіе.

— Конечно, это остроумно,—заговорилъ тихо, но вѣско капитанъ Живицкій:—не спорю, остроумно, но... но, согласитесь, и достаточно цинично.

— Ахъ, цинично! Ну, что такое цинично? Что такое цинизмъ вообще?—бойко и, словно сорвавшись съ привязи, затараторила сестра хозяйки, Вѣра Андреевна.

Голосъ у нея былъ немножко рѣзкій и даже, пожалуй, неприятный, и Ефремовъ замѣтилъ, что какую-то букву она не выговариваетъ: не то „р“, не то „л“, но какую именно—онъ сразу опредѣлить не могъ.

— Ну, да, что такое цинизмъ вообще? — трещала Вѣра.—Вѣдь это условно. Вѣдь это же страшно условно. Вѣдь это просто откровенность, переходящая границы. Ну, а гдѣ же граница

Н. Богдановъ-Бѣльскій. Именины учительницы. Всемирная выставка въ Римѣ. Русскій отдѣлъ.

С. Ивановъ. Семья. Всемирная выставка въ Римѣ. Русскій отдѣлъ.

откровенности? Гдѣ, я васъ спрашиваю, гдѣ? Согласитесь, что откровенность—это есть мужество. Чтобы быть откровеннымъ, надо быть храбрымъ. А гдѣ же граница храбрости? Мнѣ кажется, чѣмъ храбрѣе человѣкъ, тѣмъ онъ величественнѣе, и кто же рѣшится поставить человѣку въ упрекъ, что онъ храбръ? А между тѣмъ говорятъ: „цинично“, „цинично“. Если я смѣло высказываю мои убѣжденія, — что это: цинизмъ или храбрость?

— Если твои убѣжденія, — по-родственному, на „ты“, началъ капитанъ Живицкій: — если твои, Вѣра, убѣжденія почтенны, то, высказывая ихъ...

— Ахъ, подумаешь, какая храбрость высказывать почтенныя убѣжденія! — нетерпѣливо перебила его Вѣра. — Да и что значить „почтенныя“ убѣжденія? То, что въ нашемъ обществѣ кажется почтеннымъ, въ другомъ мѣстѣ найдутъ возмутительнымъ! И вогь если я приду туда съ моими почтенными убѣжденіями и буду ихъ тамъ высказывать, что это будетъ: цинизмъ или храбрость? Мои единомышленники будутъ говорить, что это — цинизмъ. Ну, а гдѣ же правда? Гдѣ?

— Я вполне соглашаюсь съ Вѣрой Андреевной, — авторитетно зарокоталъ полковникъ Пазухинъ. — Вполнѣ! Дѣйствительно, *il faut avoir courage de ses opinions...* слѣдуетъ смѣло и прямо всегда высказывать свои убѣжденія... А это именно то, чего намъ, русскимъ, такъ и не хватаетъ. Отъ этого-то у насъ такая неурядица и идетъ. Мы для того, чтобы не огорчить какого-нибудь... даже перваго встрѣчнаго... готовы чуть ли не отъ своего Бога отказаться! Да-съ! Отъ Бога!

И полковникъ даже ложечкой по стакану стукнулъ.

— Но позвольте! — такъ же вѣско, но осторожно началъ Живицкій: — мы, кажется, совершенно уклонились отъ темы. Мы разбирались въ вопросѣ: что такое „цинично“ и вообще — что такое „цинизмъ“? Не правда ли?

Въ столовую въ это время вошелъ новый гость: человѣкъ средних лѣтъ и какой-то средней наружности, коротенькаго роста, въ коротенькой визиточкѣ, съ коротко-подстриженными волосами и бородой, въ пенснэ на коротенькомъ носу, съ веселой, но коротенькой улыбкой, и бойкими, сверлящими глазками.

— Ну, вотъ, вотъ, кстати! — радостно крикнула хозяйка изъ-за своего самовара. — Петръ Петровичъ! Прежде всего отвѣтите намъ! Прежде всего! Что такое — цинизмъ?

Вошедшій слегка наклонилъ голову вправо, провелъ пухлой ручкой по коротко-остриженнымъ волосамъ и, немного подумавъ, сказалъ высокимъ голосомъ:

— Цинизмъ? А вотъ, напримѣръ, обходиться безъ носового платка.

Всѣ размѣялись.

IV.

Вошедшій былъ Петръ Петровичъ Патриковъ, человѣкъ, какъ самъ онъ себя рекомендовалъ, безъ опредѣленныхъ занятій. Характеристика была вѣрна: опредѣленныхъ занятій у Патрикова дѣйствительно не было, но занятій вообще было выше головы. И чѣмъ онъ только ни занимался: онъ хлопоталъ и выхлопатывалъ для своихъ знакомыхъ разные выгодные подряды по интендантскому вѣдомству. Онъ черезъ знакомыхъ своихъ „адвокатовъ“ устраивалъ расторженіе законныхъ браковъ; онъ составлялъ проекты для разныхъ акціонерныхъ обществъ; онъ пристраивалъ молодыхъ артистокъ къ разнымъ театрамъ; онъ производилъ разысканія по самымъ безнадежнымъ искамъ; онъ разыскивалъ наслѣдниковъ по разнымъ духовнымъ завѣщаніямъ; онъ даже „лансировалъ“ молодыхъ, начинающихъ дамъ полусвѣта, однимъ словомъ—это былъ „*monsieur en tout cas*“. Всегда сытенькій, опрятненькій, веселенькій, онъ появлялся и на биржѣ, и въ разныхъ нотаріальныхъ конторахъ, и въ правительственныхъ учрежденіяхъ, и на торжественныхъ молебнахъ, и на важныхъ панихидахъ, и на званныхъ обѣдахъ, и на открытіяхъ театровъ. У него было постоянное мѣсто въ театрѣ, излюбленный уголокъ въ модномъ ресторанѣ... Говорятъ даже, что черезъ него было нетрудно занять денегъ. Говорили даже, что это онъ свои собственные пускаетъ въ ростъ, только... подъ флѣромъ.

Таковъ былъ вкратцѣ милѣйшій и обязательнѣйшій Петръ Петровичъ Патриковъ.

Воидя въ столовую Живицкихъ и перездоровавшись со всѣми, онъ такъ и впился своими сверлящими глазками въ хорошенькую головку и прекрасную фигуру Вѣры Андреевны Лихтенбергъ, съ которой его только-что познакомили.

„Это — „экземпляръ“, — мысленно проговорилъ онъ и, обратившись къ ней съ какимъ-то вопросомъ, назвалъ ее „баронессой“.

— О, нѣтъ! Я не баронесса. Мой покойный мужъ былъ просто рижскимъ кушомъ, — съ афектированной откровенностью, не мало смутившей супруговъ Живицкихъ, заявила Вѣра

— Это нисколько не мѣняетъ дѣла. Вашъ покойный супругъ могъ быть коммерсантомъ, — вкрадчиво заговорилъ Патриковъ: — коммерсантомъ или фабрикантомъ, но вы, прекрасная Вѣра Андреевна, вы несомнѣнная баронесса.

— То-есть какъ такъ?

— А такъ-съ. Есть люди, у которыхъ неотъемлемы разные титулы, званія и т. д. Такъ, напримѣръ, вы для меня — баронесса, а вашъ достоуважаемый *beau frère*, несмотря на его капитанскіе погоны, — полковникъ и даже — панъ-полковникъ. И каждый разъ, когда я спрашиваю внизу у вашего представительнаго швейцара Казимира: „а что, панъ-полковникъ дома?“ Онъ мнѣ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ отвѣчаетъ: „такъ, пане, есть въ дому“. И я вижу, что Казимиру чрезвычайно нравится, что я называю Виктора Адамовича „полковникомъ“, а не капитаномъ, какъ бы, строго говоря, я долженъ былъ называть.

Но Живицкому, видимо, этотъ разговоръ не нравился. Онъ нервно покусывалъ свои пушистые бѣлокурые усы и упрямо глядѣлъ въ стоявшій передъ нимъ стаканъ съ чаемъ.

А Патриковъ, какъ бы не замѣчая этого, продолжалъ свои разглагольствованія.

— Васъ вотъ, напримѣръ, — обратился онъ къ Ефремову: — я не могу иначе назвать, какъ „господинъ профессоръ“.

— Профессоръ? Почему такъ? — удивился Ефремовъ.

— Видъ такой. Вы мнѣ всегда представляетесь передъ большой черной доской, съ кусочкомъ мѣла въ рукахъ, и читаете въ аудиторіи или аналитическую геометрію, или интегральныя исчисления, или что-нибудь въ этомъ родѣ. И пишете все цифры, цифры, цифры... И красиво такъ пишете, отчетливо. А, извините, сюртукъ у васъ мѣломъ выпачканъ.

— Мѣломъ? — переспросилъ Ефремовъ и машинально взглянулъ себѣ на грудь.

И дѣйствительно: подъ правымъ погономъ у него былъ насыпанъ какой-то бѣлый порошокъ.

— Да это не мѣлъ, это — сахарная пудра съ кекса, — размѣялась хозяйка.

Ефремовъ переконфузился и, взявъ салфеточку, сталъ смахивать сахарную пыль.

— Ну, а я, я? кѣмъ вамъ представляюсь? — весело зарокоталъ полковникъ Пазухинъ.

— Вы? — генераль! Съ ногъ до головы — генераль! Знаете, какъ король Лиръ: каждый вершокъ — король. Такъ и вы! Каждый сантиметръ — генераль.

— Почему же это Лиръ — вершокъ, а я — сантиметръ?

— А потому „ваше превосходительство“, что во времена Лира метрическая система еще не была изобрѣтена.

— Но полагаю, что тогда и вершковъ еще не знали, — сухо и съ едва скрытымъ раздраженіемъ замѣтилъ Живицкій.

Патриковъ быстро бросилъ на него маленькіе свои глазки, словно желая ими посверлить его душу.

Живицкій потушился еще болѣе и, повернувшись къ Ефремову, вполголоса заговорилъ о какихъ-то дѣлахъ. Ефремовъ старался слушать, но ему что-то мѣшало понимать слова своего собесѣдника. Онъ то и дѣло взглядывалъ на противоположную сторону стола, гдѣ сидѣла Вѣра Андреевна, которую онъ мысленно самъ почему-то сталъ называть „баронессой“, между сладко улыбавшимся ей „генераломъ“ и юлившимъ Патриковымъ.

„Боже мой, какъ она хороша! Просто прелесть! Но вотъ вопросъ: умна или глупа? — думалъ онъ. — Говорить, кажется, умно, а выходитъ все глупо. Или ужъ это такая манера говорить, скоропалительная какая-то? А не выговариваетъ она букву „л“, а на буквѣ „р“ только слегка картавитъ... Вотъ и сейчасъ, вотъ и сейчасъ, что она говоритъ?“

— Зачѣмъ же я буду скрывать, что я вовсе не горюю о моемъ

мужь? Я его не любила, выдали меня за него почти-что насильно, человекъ онъ былъ непріятный... Ну, да, да! Надо же хоть о мертвомъ говорить правду, если мы боимся говорить это о живыхъ. Это будетъ острастка. Люди будутъ знать, что послѣ смерти они получаютъ должную оцѣнку своихъ дѣяній и будутъ осторожнѣе хотя бы ради своихъ дѣтей. Вѣдь хлопчуть же люди оставить дѣтямъ наслѣдство, ну, а доброе имя тоже вѣдь наслѣдство, а потому...—тараторила Вѣра Андреевна.

„Ну, вотъ, ну, вотъ! Вѣдь это совсѣмъ не глупо, то, что она говоритъ, а между тѣмъ улыбнуться хочется“, — думалъ Ефремовъ и вдругъ понялъ, что Живицкій о чемъ-то его уже во второй разъ спрашиваетъ.

— Простите, я... не совсѣмъ хорошо усвоилъ вашъ вопросъ,—сконфуженно переспросилъ онъ.

— Я васъ спрашиваю: желаете ли вы имѣть денщика, или нѣтъ?

— Денщика? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — заторопился Ефремовъ. — Жена моя не переноситъ этого... Денщики, знаете ли... всегда запахъ отъ нихъ... а у насъ квартирка маленькая... ну, и дѣти... Нѣтъ, денщика не надо.

— Мы тоже не держимъ денщиковъ, и почти по той же причинѣ... Вообще, этотъ институтъ давно пора бы упразднить,—важно и съ чувствомъ собственного достоинства заявилъ Живицкій.

„По тѣмъ же причинамъ!.. — внутренно усмѣхнулся Ефремовъ. — Квартира у нихъ громадная; дѣтей нѣтъ; обстановка роскошная... Господи! Откуда только люди деньги берутъ? Неужели Живицкій тоже „хапаетъ“, какъ и другіе?“

Но, взглянувъ на красивыя черты необычайно благороднаго лица своего собесѣдника, Ефремовъ отогналъ отъ себя эту мысль.

„Съ такимъ лицомъ, съ такими спокойными и ясными глазами брать нельзя“, — подумалъ онъ.

А Живицкій продолжалъ:

— Отвлекать солдата отъ его настоящаго дѣла, пользоваться его подневольнымъ, почти крѣпостнымъ, трудомъ; превращать человека, шедшаго служить родинѣ, въ лакея,—это по меньшей мѣрѣ непорядочно...

„Да! Вѣдь вотъ какую банальщину говоритъ, а какъ у него это умно выходитъ“, — продолжалъ думать Ефремовъ, слушая то Живицкаго, то „баронессу“.

Подшло еще нѣсколько человекъ гостей. Два какихъ-то юнца въ мундирахъ высшаго училища; молодой, но блестящій адвокатъ; старичокъ какой-то безцвѣтный. И все это окружило Вѣру Андреевну, стараясь броситься ей въ глаза, привлечь къ себѣ ея вниманіе. „Гдѣ медъ, тамъ и мухи“, — думалъ Ефремовъ, съ грустью замѣчая, что онъ одинъ какъ-то все не можетъ попасть въ сферу этого восходящаго свѣтила.

Молоденькая горничная, проходя мимо своего барина, тихо шепнула одно слово:

— Пришелъ.

Живицкій быстро всталъ и какъ-то незамѣтно вышелъ изъ столовой.

— Зося,—сказалъ онъ горничной, шедшей сзади его по коридору:—позови его сюда.

И, свернувъ въ одну изъ боковыхъ комнатъ, очень скудно меблированную, но почти сплошь заваленную кипами разныхъ бумагъ въ цвѣтныхъ обложкахъ, онъ отвернулъ выключатель. Подъ потолкомъ вспыхнула небольшая электрическая лампочка.

Въ коридорѣ послышались шаги, и въ комнату вошелъ Потрашинъ.

— Здравствуй! Ну, что тебѣ? — довольно сухо обратился къ нему Живицкій.

— Здравія желаю, ваше вы-діе! — почтительно вытягиваясь, заговорилъ вахтеръ. — Извините, что побеспокоилъ не въ-время. Но завтра рано утромъ пріемка будетъ. Сурьезная партія. И если, значитъ, штабсъ-капитанъ Ефремовъ принимать стануть, большія непріятности могутъ произойти. Такъ что клинья-то... довольно замѣтно... поновѣй полотнищъ-то... Потомъ, дѣйствительно, облежятся, такъ... сойдеть на одно... А теперь господинъ штабсъ-капитанъ могутъ замѣтить.

— Чей заводъ?

— Фроленкова, ваше вы-діе!

— Хорошо. Спасибо, что предупредилъ. Я самъ принимать буду. Больше ничего?

— Да вотъ у нихъ все съ накладными при повѣркѣ неладно выходитъ, т.-е. у господина штабсъ-капитана...

— А ты скажи, чтобъ писали поаккуратнѣе, а то чортъ знаетъ что выходитъ! Третьяго дня поставили: шесть подводъ—четыре-ста двадцать пудовъ, и тутъ же рядомъ: четыре полводы—семь-сотъ восемьдесятъ. Это и слѣпому въ глаза бросится.

— Ошибка вышла.

— То-то вотъ — ошибка!.. Ничего больше?

— Больше ничего-съ.

— Ну, можешь идти.

Потрашинъ повернулся и на этотъ разъ уже на цыпочкахъ пошелъ по широкому, ярко освѣщенному, коридору квартиры Живицкаго.

А самъ „панъ-полковникъ“ съ озабоченнымъ лицомъ прошелъ въ свой большой, прекрасно обставленный кабинетъ.

„Ефремова надо или убрать, или привести къ одному знаменателю, — думалъ онъ, роясь въ папкѣ, на обложкѣ которой стояла надпись: „Фроленковъ“. — Бѣда съ дураками дѣло имѣть! И правда, лучше бы ему гдѣ-нибудь въ академіи чистую математику читать, чѣмъ въ нашемъ вѣдомствѣ служить. Здѣсь живые люди требуются, а не профессора!“

Изъ столовой доносился до него веселый смѣхъ и говоръ. Рѣзче всѣхъ слышался громкій, немного непріятный голосъ Вѣры.

Живицкій улыбнулся:

„А много съ ней „дѣловъ“ надѣлать можно! Бабеночка бойкая и денгу любить и знаетъ, гдѣ раки зимуютъ! Пазухина она уже спала... Хорошенько поставитъ ее на ноги, такъ и не такихъ китовъ глотать будетъ!“

Тихо, какой-то кошачьей, крадущейся походкой неожиданно вошелъ къ нему въ кабинетъ Патриковъ.

— А что, Викторъ Адамовичъ, съ повышеніемъ васъ поздравить можно? — лукаво улыбаясь, заговорилъ онъ.

— Вы что, смѣтаете, что ли, надо мной? Мнѣ это повышеніе-то вотъ гдѣ! — недовольнымъ тономъ и показывая на затылокъ, проговорилъ Живицкій.

— Понимаю, отличнѣйше понимаю васъ! — вкрадчиво заговорилъ Патриковъ. — Въ подполковники, конечно, пусть производятъ, это хорошо; но мѣсто сохранить занимаемое, это—еще лучше!

— Вѣдь вы понимаете, — съ горечью въ голосѣ заговорилъ Живицкій:—я долженъ теперь получить высшее мѣсто, ну, а это высшее-то мѣсто какъ разъ самое сухое. Вѣдь у насъ какъ? Будь начальникомъ какого-нибудь поста, это хорошо; а перевели васъ съ повышеніемъ въ помощники на высшій постъ—ни къ чорту не годится!

— Понимаю! Понимаю! Дождь капаетъ только на начальниковъ, надъ помощниками—тучки проходятъ мимо!

Живицкій помолчалъ немного и потомъ вдругъ, почти съ нескрываемымъ раздраженіемъ, началъ опять:

— И вдругъ, когда подумаю, что на мое мѣсто могутъ назначить этого пентюха, этого „господина профессора“, какъ вы изволили вѣрно опредѣлить, прямо сердце переворачивается.

— Эхъ, милѣйшій Викторъ Адамовичъ! Вамъ ли унывать, когда у васъ въ рукахъ такой кладъ открылся!

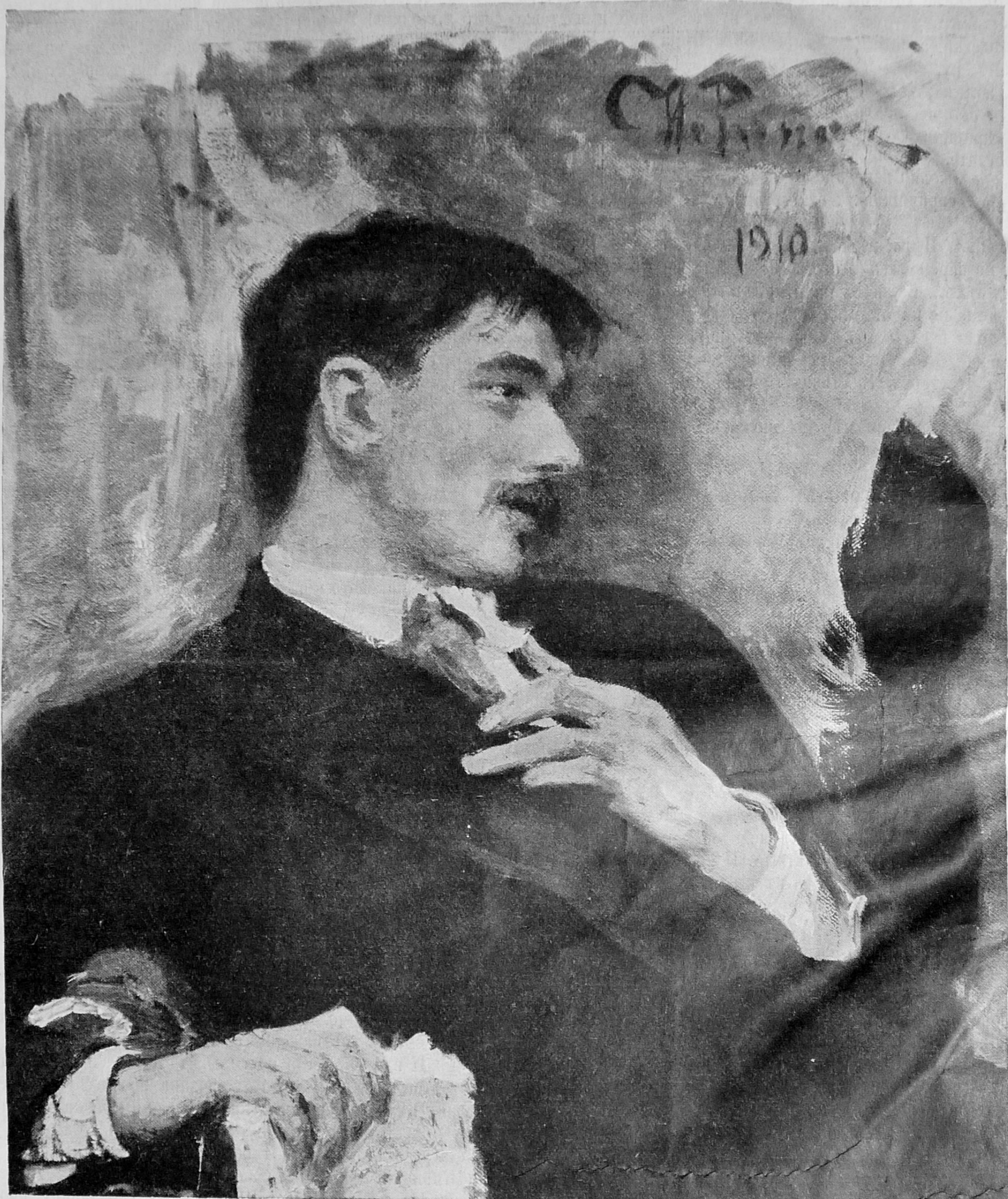
Живицкій сдѣлалъ вопросительные глаза.

— Ну, да, да! Я говорю про вашу свояченицу, про „баронессу“ Лихтенбергъ. Я вотъ и сюда къ вамъ сейчасъ зашелъ, чтобы попросить васъ словечко за меня передъ „ея очаровательностью“ замолвить...

— Болтушка она...—началь-было Живицкій.

Но Патриковъ его остановилъ, поднявъ обѣ руки кверху.

— Ахъ, что вы говорите! Вотъ ужъ если кому языкъ данъ для того, чтобы скрывать свои мысли, такъ это именно ей. Наболтаешь съ три короба, а не „проболтаешь“ ни одного слова. Афоризмы эти ея, откровенности—просто прелесть! Вся, дескать, нараспашку! Вотъ на, бери меня! А ну-ка, тронь! Смотришь, руки-то у тебя пустыя, а она въ сторонѣ стоитъ и свое продолжаетъ... Нѣтъ, Викторъ Адамовичъ,—умница ваша свояченица... И супруга ваша, Надежда Андреевна, тоже женщина съ головой,

И. Рѣпинъ. Портретъ критика К. И. Чуковскаго.
 Всемирная выставка въ Римѣ. Русскій отдѣлъ.

но только другого порядка. Во-первыхъ, она... супруга; а жена Цезаря, какъ извѣстно, должна быть выше всего этого... А во-вторыхъ... ну, да во-вторыхъ, вы и сами знаете... Однимъ словомъ, стоитъ вамъ захотѣть, вы и подполковникомъ на этомъ же мѣстѣ останетесь... А за меня словечко-то „баронессъ“ замол-

вите! А я для васъ за это у Траугольда поворожу... Идетъ, что ли?

Живицкій вмѣсто отвѣта только протянулъ руку, и маленькая, тепленькая ручка Патрикава вся утонула въ его красивой, но какой-то цѣпкой ладони.

присѣсть на него мѣшало какое-то брезгливое чувство. — „Навѣрное, тутъ курьеры спятъ“, — подумалъ Ефремовъ. Три-четыре такихъ же стула, пустой шкапъ и столъ, покрытый черной, закапанной чернилами, клеенкой. На столѣ лежало два номера стараго „Инвалида“ и еще болѣе старый номеръ „Правительственнаго Вѣстника“, прейскурантъ парфюмернаго магазина и обрызганная ручка съ проржавленнымъ перомъ. Холодно, непривѣтливо, казенно. За стѣной гдѣ-то однообразно постукивалъ маятникъ часовъ.

„А что-то у меня дома дѣлается? — подумалъ Ефремовъ и зѣвнулъ. — Если бѣ я зналъ, что такъ — успѣлъ бы самъ за докторомъ съѣздить... А тутъ вотъ извольте ждать, когда проснется его высокородіе... Свинство, право, свинство!“

Прошло съ полчаса. Въ квартирѣ послышалось движеніе. Кто-то прошелъ мимо „просительской“; раздался грубый голосъ:

— Чтò жь ты до сихъ поръ самовара не ставилъ, свиная морда?

— А ну тебя къ чорту! Самъ свиная морда! — отозвался на это голосъ, еще болѣе грубый.

Кто-то въ формѣ писаря заглянулъ въ „просительскую“ и сейчасъ же скрылся за дверью.

Ефремовъ шагаль взадъ и впередъ и томился.

„Эхъ, телефона-то нѣтъ! Позвонилъ бы, узналъ, чтò дома?“ — дѣзла къ нему въ голову назойливая мысль.

Часы за стѣной пробили десять. Опять чья-то голова просунулась въ „просительскую“, и кто-то сказалъ:

— Полковникъ проснулся.

Наконецъ въ половинѣ одиннадцатаго въ „просительскую“ вошелъ курьеръ и сказалъ Ефремову:

— Пожалуйста!

И повелъ его по большимъ, скупо обставленнымъ, казеннымъ комнатамъ. Передъ одной изъ закрытыхъ дверей онъ вдругъ подтянулся, пошелъ почему-то на цыпочкахъ и, подойдя къ двери, осторожно постучалъ. Внутри раздался какой-то хрипъ. Курьеръ распахнулъ дверь и уже шопотомъ повторилъ:

— Пожалуйста!

Ефремовъ вошелъ въ большой, свѣтлый, хорошо меблированный, но какой-то холодный кабинетъ.

За громаднымъ письменнымъ столомъ сидѣлъ Пазухинъ. На немъ былъ сѣрый халатъ съ красной выпушкой, а передъ нимъ стоялъ стаканъ чаю въ массивномъ и, видимо, дорогомъ подстаканникѣ.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — дѣловитымъ басомъ заговорилъ онъ, протягивая Ефремову руку. — Извините, задержалъ немного... и за халатъ тоже... извините...

Извиненія эти онъ произнесъ какъ-то неохотно, словно желая подчеркнуть, что, собственно, и извиняться не въ чемъ, а потомъ еще болѣе неохотно и коротко спросилъ:

— Пили чай?

— Благодарю васъ, господинъ полковникъ, пилъ уже.

— Отлично. Тогда садитесь и приступимъ къ дѣлу.

Пазухинъ дома былъ совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ былъ въ гостяхъ. Вчера еще онъ такъ любезно пожималъ Ефремову руку, такъ мило улыбался, когда пряталъ въ карманъ выигранные у Ефремова тридцать пять рублей; такъ ласково трепалъ его по плечу, приглашая его на завтра къ себѣ по дѣлу. Сегодня же онъ былъ сухъ, непривѣтливъ и держалъ себя настоящимъ начальникомъ.

— Такъ вотъ видите ли, — заговорилъ онъ своимъ хрипловатымъ баскомъ: — у меня тутъ накопились кое-какія дѣла... Надо ихъ обревизовать... Довѣрить это я могу только офицеру... понимаете? Однимъ словомъ, вольнонаемнымъ не могу... о писаряхъ, конечно, и говорить нечего... Изъ дому этихъ бумагъ я бы тоже выпускать не хотѣлъ... Вотъ я васъ и побезпокоилъ... Такъ вотъ, возьмите, пожалуйста... вотъ, вотъ тутъ! — и онъ указалъ на большую связку бумагъ. — И... пожалуйста вотъ сюда, въ комнату... тамъ и займетесь провѣркой... Можеть-быть, вамъ прислать туда чаю?... Ну, хорошо, хорошо! Вамъ подадутъ попозже! Пожалуйста сюда! Пожалуйста!

И полковникъ, вставъ съ кресла, самъ проводилъ Ефремова въ сосѣднюю комнату, обставленную развѣ немного лучше, чѣмъ непривѣтливая „просительская“.

Ефремовъ принялся за работу. Прошло съ часъ времени.

„И для этакого-то вздора и для этакой-то ерунды отвлекать

меня отъ моего настоящаго дѣла, вызывать къ себѣ чуть ни свѣтъ ни заря — это ужъ дѣйствительно свинство!“ — думалъ Ефремовъ, разсматривая лежавшія передъ нимъ бумаги. — Почему нельзя довѣрить писарю? Почему понадобился офицеръ? — ворчалъ онъ, пощелкивая на счетахъ и провѣряя итоги.

Пріотворилась дверь; не то деньщикъ, не то лакей развязно вошелъ въ комнату и поставилъ передъ Ефремовымъ подносикъ, на которомъ стояли стаканъ жиденькаго чаю и маленькая тарелочка съ двумя баранками. Угощеніе это имѣла не только скредный, но даже жалкій видъ: ни лимона ни сливокъ. Баранки старья, какъ будто даже обгрызанныя.

Почти съ отвращеніемъ взглянулъ Ефремовъ на этотъ подносикъ и отрывисто сказалъ деньщику:

— Не надо!

Тотъ такъ же молча взялъ его со стола и унесъ обратно.

„Однако какая свинья этотъ полковникъ! — подумалъ Ефремовъ, сердито закуривая папиросу. — Хотъ бы за мои вчерашніе тридцать пять рублей могъ угостить чѣмъ-нибудь приличнѣе“.

Въ сосѣднемъ кабинетѣ полковника послышались голоса. Одинъ былъ несомнѣнно самого хозяина, другой тоже показался Ефремову знакомымъ.

„Ба! Да это капитанъ Живицкій, — черезъ минуту узналъ онъ. — Стало-быть, пріемка уже окончилась... Ахъ, спросить бы: чтò и какъ тамъ? Не успѣлъ я предупредить капитана о вставленныхъ клиньяхъ...“ — думалъ Ефремовъ, сбиваясь въ итогѣ одной страницы.

Голоса сначала раздавались тихо, потомъ стали все громче, громче, вырывались уже отдѣльными, ясно доносившіяся, слова. Казалось, что собесѣдники не то что спорять, а прямо-таки ругаются между собой. Ефремовъ машинально сталъ слушать.

„— Сами вы негодяй! — ясно вдругъ донесся до него голосъ Живицкаго.“

Потомъ послышался звукъ какъ бы отодвигаемаго стула.

— Чтò? Чтò такое? — испуганно прошепталъ Ефремовъ и даже поднялся съ мѣста. — „Да они подерутся!“ — мелькнуло у него въ головѣ.

„— Молчать! — крикнулъ голосъ полковника.“

И вдругъ голоса сразу понизились. Слышно было только, что говорятъ рѣзко, неприязненно, но словъ разобрать было уже нельзя. Потомъ хлопнула дверь, и сразу все стихло.

— Чтò же это такое? Чтò же это такое? — шепталъ про себя Ефремовъ, снова опускаясь на стулъ. — Значитъ, они поссорились... даже больше — переругались! Стало-быть, вмѣстѣ имъ теперь служить невозможно! Живицкому придется уйти... Откроется вакансія... Эхъ, если бѣ я сегодня былъ на пріемкѣ! Поймалъ бы Фроленкова съ его фиктивной сдачей... Сразу бы выдвинулся!.. Э-эхъ!..

И вдругъ Ефремовъ, словно поймавъ себя на чемъ-то очень постыдномъ, густо покраснѣлъ:

„Однако чтò же это я? Какъ будто радуюсь неприятели моего сослуживца?... Это уже вѣдь свинство...“

И онъ сконфуженно принялся щелкать на счетахъ.

Въ кабинетѣ зазвонилъ телефонъ. Потомъ было слышно, какъ полковникъ говоритъ съ кѣмъ-то по аппарату. Словъ нельзя было разобрать. А минутъ черезъ двадцать Пазухинъ уже не въ халатѣ, а въ форменной тужуркѣ вошелъ къ нему въ комнату и довольно ласково проговорилъ:

— Ну, голубчикъ, на сегодня довольно. Вы разобрали тутъ навѣрное кое-что?

Ефремовъ поднялся съ мѣста и началъ-было что-то объяснять, но Пазухинъ перебилъ его:

— Хорошо, хорошо! Въ другой разъ! Сегодня мнѣ некогда. Я васъ вызову, когда надо будетъ. А теперь можете идти! Кстати, вѣдь васъ звала, кажется, сегодня къ себѣ Вѣра Андреевна? — смягчая опять тонъ, чтобы загладить нѣкоторую рѣзкость послѣднихъ словъ, спросилъ Пазухинъ.

— Да, звала, — отвѣтилъ Ефремовъ.

— Такъ вотъ, голубчикъ, и поѣзжайте къ ней! Теперь какъ разъ время: половина перваго. Вы знаете, гдѣ она живетъ? Въ отелѣ „Савойя“...

И Пазухинъ, сунувъ ему руку, показалъ другой, куда надо выйти.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Энцианъ.

Горная мечта. Г. Т. Сѣверцева-Полилова.

Я взбирался на Пилатъ раннимъ утромъ, когда еще внизу, въ долинахъ и лощинахъ предгорья, клубился бѣлый, легкій, какъ дымъ, туманъ, когда отъ освѣженныхъ прохладой и влагою ночи цвѣтовъ, отъ скошеннаго кое-гдѣ сѣна незримо курился ароматъ, когда вся природа пробудилась отъ сна подъ ласкою солнца, только-что поднимавшагося изъ-за горъ восточнаго берега озера.

Путь мой лежалъ между горныхъ луговъ, поросшихъ сочною травою, перемежался хвойными и лиственными перелѣсками, взбѣгалъ все выше и выше до самыхъ горныхъ высотъ, казавшихся отсюда грудой сѣрыхъ камней.

Послѣ короткаго отдыха въ Бруни, примитивной горной гостиницѣ, выпивъ молока и закусивъ, я началъ снова подниматься въ горы.

Подъемъ сталъ круче, широкая дорожка мало-по-малу сузилась, пришлось брести между деревьями, прислушиваясь къ немолкаемому говору безчисленныхъ ручейковъ, весело стремящихся убѣжать изъ горъ и слиться съ водами глубокаго озера.

Я медленно подвигался впередъ, непривычныя къ горнымъ прогулкамъ ноги стали уставать, тяжелый подъемъ захватывалъ духъ, было жарко, жажда томила, приходилось часто останавливаться, отдыхать и съ наслажденіемъ пить горстью прозрачную, какъ слеза, холодную, какъ ледъ, воду.

Устало бреду по лѣсной тропинкѣ надъ обрывомъ, слышу за собой топотъ чьихъ-то ногъ, трескъ кустарника... Оборачиваюсь въ надеждѣ увидѣть собрата—горнаго туриста...

Передо мною небольшое стадо козъ, окружившихъ и съ любопытствомъ разсматривающихъ меня. Козы доверчиво подходили ко мнѣ, лизали мои руки, а малютка-козленокъ покушался даже на остатки моего завтрака, привязаннаго сбоку на поясъ. Мои новые спутники не отставали отъ меня довольно долго, было весело идти съ ними, принужденное одиночество меня томило.

Лѣсъ еще далеко не кончился, когда, легко взбираясь по кручамъ, умѣло цѣпляясь за деревья и выступы камней, къ намъ присоединился пастухъ этого стада, загорѣлый подростокъ, гибкій, зоркій, съ крѣпкими, какъ сталь, ногами, обутыми въ подкованные гвоздями тяжелые сапоги, и, несмотря на жаркую погоду, въ толстыхъ шерстяныхъ чулкахъ.

— Grüsse! (привѣтствую),—коротко кивнулъ онъ мнѣ и пошелъ со мною рядомъ. Мы взбирались нѣкоторое время молча. Лѣсъ остался за нами, стадо разбрелось по опушкѣ, пощипывая траву; пастухъ продолжалъ идти со мною.

Дорожка завилась между камнями зигзагомъ, подъемъ сталъ отложе. Солнце стояло уже на небѣ, внизу селеніе было еще окутано легкой дымкой испареній.

— На Пилатъ-Кульмъ? — прервалъ молчаніе короткимъ вопросомъ мой спутникъ.

— Да, на Пилатъ,—точно обрадовавшись звуку его голоса, поспѣшно отвѣтилъ я.

— Тамъ хорошо, просторъ! Я люблю тамъ бывать.

Каріе, глубоко сидящіе глаза подростка сверкнули отвагой, онъ точно выросъ въ эту минуту.

— Ты тоже туда пробираешься?

— Да, по ту сторону горы мнѣ нужно сходить къ теткѣ Мартѣ, взявъ у нея ея работу и снести въ Альпанштадтъ, она сама не можетъ спускаться такъ часто: ноги у нея очень слабы,—разговорился пастухъ и съ гордостью посмотрѣлъ на свои крѣпкія ноги.

— А какъ же стадо?

— Эге! Козы хорошо знаютъ дорогу домой и однѣ!

— Чтѣ же работаетъ твоя тетка?

— Прядетъ козью шерсть и вяжетъ изъ нея чулки и фуфайки.

Подъемъ снова сталъ круче, срывавшіеся камни летѣли изъ-подъ ногъ въ пропасть и сейчасъ же пропадали тамъ безшумно.

Только благодаря моему молодому спутнику мнѣ удалось добраться до вершины Климзель-Горна сравнительно легко; до Эзеля, одной изъ вершинъ Пилата, оставалось отсюда не болѣе получаса подъема.

Потное тѣло сразу было охвачено дрожью, едва мы вышли на открытую площадку передъ гостиницей; порывистый вѣтеръ, никогда не прекращающій дуть между горами, повѣялъ холодомъ.

— Я немного отдохну здѣсь; ступай одинъ,—обратился я къ пастуху.

— Я подожду васъ, торопиться мнѣ некуда,—просто отвѣтилъ онъ.

Нашъ отдыхъ былъ непродолжителенъ, снова полетѣли въ пропасть камни изъ-подъ нашихъ ногъ, надъ головою нависли грозныя твердыни угрюмыхъ каменныхъ громадъ.

Мы карабкались по узенькой тропинкѣ на самомъ краю бездны. Съ предгорныхъ долинъ слабо доносилось мелодичное бряцаніе колокольчиковъ большого стада, сливавшееся въ гармоническій аккордъ звучащей мѣди. Оно слышалось все глуше и глуше, пока наконецъ совсѣмъ не потерялось въ синѣвшихъ внизу ущельяхъ.

Нырнувъ въ какую-то темную трубу-пещеру и пересчитавъ не мало ступеней деревянной лѣстницы, мы выбрались снова на свѣтъ Божій...

Широкій просторъ, съ трудомъ окидываемый взглядомъ, лежалъ передо мною на верхней площадкѣ самаго пика Эзеля. Я невольно онѣмѣлъ отъ восторга...

На юго-западѣ величественной дѣвственно-бѣлоснѣжной стѣной, точно на сторожѣ, высились горные великаны: Юнгфрау, Эгеръ, типичный Монахъ въ капюшонѣ, грозный Титлисъ... Съ восточной стороны пика лежала живописная карта Фирвальшtedтскаго озера, съ крохотными мѣстечками, вкрапленными на зеленомъ фонѣ береговъ и воднаго пространства, какъ мелкіе красновато-бѣлые камешки. Дальше раскинулись болѣе низкія горы и лѣсистые утесы, виднѣлись безпорядочной кучкой слитыхъ между собой строеній Люцернъ и рѣзкія очертанія береговъ озера, казавшагося громаднымъ зеленоватымъ пятномъ, безлюднымъ и нѣмымъ...

Дороги протянулись узкими ленточками, дома походили на крохотныя пятна, громадныя деревья на кустарники...

Внизу, на землѣ и на водѣ, все казалось вымершимъ, только что застывшее по мановенію рока жизнью, какимъ-то громаднымъ существомъ прекратившимъ свою кипучую дѣятельность.

Кругомъ меня все дышало величественною тишиною, таинственное молчаніе невольно подавляло...

Какое-то странное чувство собственнаго ничтожества, тщеты существованія невольно пробуждалось здѣсь при видѣ величія горныхъ высотъ.

Душа отдыхала отъ жизненной суеты,—послѣдняя осталась тамъ, внизу; все существо было сразу охвачено благоговѣйнымъ настроеніемъ, чувствовалось вѣяніе Божества...

Черезъ нѣкоторое время мы спускались другою дорогою, направляясь горной долиной, раскинувшейся между Эзелемъ и Томлисъ-Горнъ, обѣими вершинами Пилата.

Снова горныя каменистыя тропинки, ноги сами бѣгутъ, торопятся, альпійская палка съ острымъ наконечникомъ едва удерживаетъ мой невольный бѣгъ. Пастухъ спускается быстро, но увѣренно, его ноги привыкли подниматься и сходить съ самыхъ крутыхъ возвышенностей.

На этой сторонѣ Пилата царство настоящей альпійской растительности: тутъ и ярко малиновые цвѣточки альпійской розы, растущіе кистями, тутъ и благородный эдельвейсъ, гордо показывающій изъ расщелины скалы свою дѣвственно бѣлую головку, изумительнаго синяго цвѣта колокольчикъ Энциана...

— Знаете ли вы нашу альпійскую легенду объ этомъ цвѣткѣ?—неожиданно прервалъ мои думы пастухъ.

— Нѣтъ, не знаю, расскажи пожалуйста.

Подростокъ сосредоточился, окинулъ глазами далеко сбѣгавшую внизъ горную долину, всю испещренную темно-синими пятнами заинтересовавшаго меня цвѣтка, и, точно спрашивая разрѣшенія кого-то невидимаго, онъ тихо началъ говорить:

— Мнѣ рассказывала эту легенду тетка Марта, домъ которой стоитъ вонъ тамъ подъ утесомъ,—указалъ онъ мнѣ на крохотную хижину, сиротливо ютившуюся подъ громаднымъ горнымъ выступомъ, грозившимъ каждую минуту раздавить.—Ее она слышала, въ свою очередь, отъ своей бабушки. Эта легенда давно уже передается устно въ нашей семьѣ, она намъ родная; знаютъ ее и другіе, но рассказываютъ иначе и невѣрно.

Мальчикъ точно хвалился и гордился этимъ преимуществомъ.

— Много-много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда наши альпійскія вершины были тоже живыми существами...

Точно опасаясь, что замѣтитъ на моемъ лицѣ недовѣрчивую улыбку, Шеффи боязливо посмотрѣлъ на меня, но сейчасъ же успокоился: я внимательно и серьезно слушалъ его рассказъ.

— Недаромъ у нихъ у всѣхъ имѣются имена,—поспѣшно продолжалъ онъ:—Юнгфрау, Монахъ, Эгеръ, Титлисъ, Пилатъ, Риги... Они жили, какъ люди, дружились, ссорились, сражались другъ съ другомъ, любили...

„Нашъ Пилатъ обожалъ Риги, иногда ради нея выплескивалъ все озеро на Стансенъ-Горнъ, въ которомъ видѣлъ своего соперника. Тотъ, не оставаясь тоже въ долгу, кидалъ въ Пилата громадными камнями, которые сорвали у послѣдняго шапку... видите, его пикъ не такъ остеръ, какъ у другихъ вершинъ. Люди только что начинали робко селиться тамъ, внизу, далеко отъ этихъ великановъ: они боялись приблизиться сюда.

„— А я не боюсь ихъ,—отважно сказала разъ Ингильрида, молодая дѣвушка; она была изъ семьи моихъ предковъ.—Пойду къ Пилату, онъ не сдѣлаетъ мнѣ вреда.

„— Я тоже отправлюсь съ тобою,—предложилъ ей женихъ, Оггюборъ:—одну тебя я не пущу.

„Молодые люди не долго думали, взяли другъ друга за руки и пошли къ Пилату.

„Великанъ крѣпко спалъ въ то время, когда они взбирались на его роскошный зеленый плащъ, и, вѣроятно, не замѣтилъ бы крохотныхъ людей, но моя прабабушка была большая шалунья.

„— Недурно бы запустить этому сонѣ пращю въ носъ, а? Какъ ты думаешь, Оггюборъ?—обратилась она шутливо къ жениху.

„Тотъ, не возражая невѣстѣ, подыскалъ камешекъ и такъ ловко метнулъ имъ, что угодилъ прямо въ носъ Пилату. Великанъ не выдержалъ, чихнулъ такъ громко, что затряслись всѣ утесы, на которыхъ онъ лежалъ; всколыхнулась волна на озерѣ, птицы пе-

рестали пѣтъ, лани и зайцы забилась въ дѣсныя трущобы, а люди, жившіе внизу, въ долину, отъ испуга готовы были бѣжать изъ своихъ жилищъ.

„Проснувшійся Пилатъ сердито осматривался. Взоръ его упалъ на двухъ виновныхъ, тоже пострадавшихъ отъ его чиханья: они лежали безъ чувствъ на плащѣ великана.

— Эй, черви земли, это вы разбудили меня, нарушили мой мирный сонъ?—загрохоталъ Пилатъ.

„Громовой голосъ привелъ въ чувство молодую пару и заставилъ ихъ вскочить на ноги.

— Дерзкіе пигмеи, за вашу вину вы получите должное наказание! Правъ ли я, братья?—оглушительно крикнулъ другимъ великанамъ обиженный Пилатъ.

— Правъ, правъ!—громкимъ раскатистымъ эхомъ отвѣтили тѣ.—Накажи преступныхъ построже!

„Пилатъ приподнял лысую голову, презрительно посмотрѣлъ на виновныхъ и произнесъ:

— Мой плащъ обносился, потускнѣлъ, въ немъ мало красокъ. Вами я вновь его украшу: ты, мальчикъ, будешь синимъ цвѣткомъ...

„И сейчасъ же вмѣсто смѣлаго Огюбора на зеленомъ плащѣ Пилата печально зазвенѣлъ синій колокольчикъ...

„Пораженная превращеніемъ жениха въ цвѣтокъ, Ингильрида стала проклинать жестокаго великана.

— Я не разлучу тебя съ нимъ, дѣвушка,—ты тоже будешь украшать мой плащъ!—прошипѣлъ со злобной улыбкой великанъ.

„Дѣвушка упала на колѣни и стала со слезами молить Творца вселенной спасти ее.

„Мольба ея была услышана.

„Прежде чѣмъ Пилатъ превратилъ Ингильриду въ цвѣтокъ, онъ самъ и всѣ другіе великаны по волѣ Всевышняго сразу окаменѣли и превратились въ горы.

„Вернувшись домой, Ингильрида рассказала о случившемся своему племени. Обрадованные люди назвали новый цвѣтокъ „Энцианъ“, что на ихъ нарѣчьи значило: „Искупившій“...

Пастухъ умолкъ.

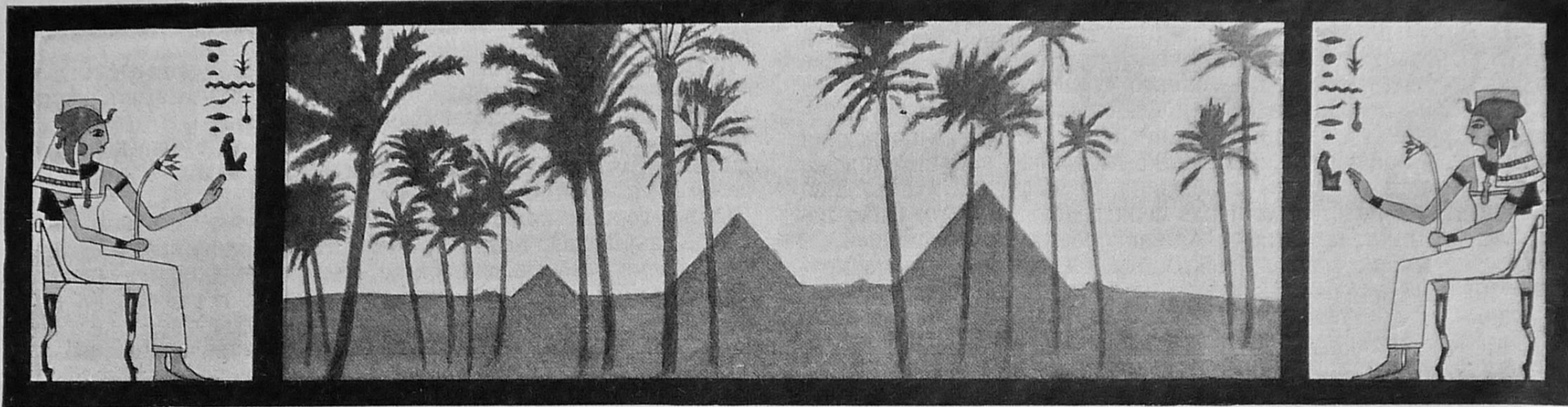
Я находился подъ настроеніемъ его поэтической легенды и, обернувшись, посмотрѣлъ на оставшуюся за нами каменную громаду Пилата.

По узкому карнизу надъ глубокой бездной медленно тащились три вагона цѣпной желѣзной дороги, переполненные пассажирами; выше, около зданія гостиницы, копошились тоже пигмеи-люди...

Настроеніе, навѣянное сказкой, вспорхнуло и улетѣло, осталась одна дѣйствительность.

Синій цвѣтокъ, сорванный мною, я бережно положилъ въ книгу, но когда черезъ нѣсколько времени взглянулъ на него, онъ былъ совершенно чернымъ.

Отчего?

Искусство догмата и условности. (Древній Египетъ).

Очеркъ А. М. Нагаевой. (Съ 27 рисунками).

Никогда и нигдѣ искусство и его формы не были поставлены въ такія опредѣленные рамки, какъ это было въ древнемъ Египтѣ. Египетское искусство было опутано извѣстными условностями, предѣлы которыхъ переходить не разрѣшалось, и оно въ продолженіе почти 3½ тысячъ лѣтъ тянулось однородной полосой, лишь изрѣдка порываясь вырваться на свободу и снова вступая въ узкія границы выработаннаго догмата. И только внимательное изученіе образцовъ показываетъ, что въ этой кажущейся неподвижности было нѣкоторое медленное развитіе, правда, направленное лишь въ одну сторону и никогда не достигавшее высшей художественной законченности произведеній. Въ этомъ отношеніи у египтянъ замѣчается полное несходство съ развитіемъ искусства Эллады, которое постепенно отъ улыбающихся статуй архаизма дошло до Лаокоона.

Такая косность египетскаго искусства происходила главнымъ образомъ оттого, что потребность созиданія художественныхъ образцовъ этого искусства вытекала изъ религіозныхъ цѣлей, а сами эти образцы служили лишь обстановкой культа мертвыхъ. Играя такимъ образомъ роль обряда, эти произведенія, какъ и самые обряды, должны были быть строго-опредѣленными и однообразными. Религія служила сдерживающимъ началомъ художественнаго размаха.

Забывая о загробной жизни умершаго, египтяне строили пирамиды, гробницы, склепы, для той же цѣли высѣкали статуи—портреты умершихъ, рѣзались рельефы, писались стѣнная живопись, и на грудь мумій навѣшивались художественной работы амулеты. Душа умершаго только могла существовать, когда сохранялась ея земная оболочка въ видѣ муміи, и, въ случаѣ порчи послѣдней, въ формѣ портрета—статуи, сходство которой съ оригиналомъ играло большую роль. Умершаго окружала его земная обстановка: его оружіе, вещи, утварь, а стѣны гробницы покрывались изображеніями эпизодовъ и сценъ изъ его жизни. Но такъ какъ впереди предстоялъ еще загробный судъ Озириса, то жрецы за хорошую плату снабжали умершихъ въ новую жизнь художественно-расписанными папирусами, изреченія коихъ гарантировали во всѣхъ случаяхъ покой и спасеніе души.

Служа такой однородной цѣли, искусство египтянъ играло въ ихъ жизни совершенно особенную роль, и скромный художникъ-творецъ не зналъ честолюбія, не домогался авторской славы и, высѣкая статую своего фараона или знатнаго лица, онъ никогда не отмѣчалъ своего имени: вѣдь онъ работалъ не для потомства, а для мертвыхъ.

А такъ какъ загробная жизнь безконечна, то всѣ старанія были направлены къ тому, чтобы памятники, статуи, храмы были прочными, массивными, т.-е. долговѣчными.

Преодоливъ массу техническихъ трудностей, египтяне воздвигли свои несокрушимыя постройки—пирамиды, гробницы, склепы, высѣченные въ скалахъ—и скрыли въ нихъ произведенія своего искусства. Сухой климатъ сохранилъ все то, что могло бы пострадать отъ сырости, и гигантскіе памятники съ ихъ внутреннимъ богатствомъ пережили славу, упадокъ, конецъ древней имперіи, пережили тысячелѣтія и дошли до насъ, сдѣлавшись достояніемъ культурныхъ странъ и источниками новаго творчества.

И то, что предназначалось для безконечнаго загробнаго бытія, сдѣлалось вѣчной драгоценной сокровищницей живущихъ.

Вся же условность этого искусства, его формулы и опредѣленные границы сообщили ему особенную оригинальность, и ни въ какомъ другомъ искусствѣ не обрисовываются такъ ясно общій характеръ его и особенности. При посѣщеніи музеевъ Европы, гдѣ собраны многочисленные образцы египетскаго творчества, всегда останавливается вниманіе на ясно выраженномъ стилѣ и манерѣ исполненія этихъ образцовъ *).

Эти характерныя черты сохраняются съ небольшими колебаніями за все время существованія древняго Египта.

Исторію искусства, какъ и самую исторію Египта, обыкновенно раздѣляютъ на слѣдующіе періоды **):

1) Древній или мемфисскій съ 4000—3000 лѣтъ до Р. Х., обнимающій время первыхъ 10-ти династій.

2) Средній или 1-й оиванскій съ 3000—2000 лѣтъ (11—17 династій).

Послѣ 2000 года было завоеваніе Египта гиксами; владычество гиксовъ задержало развитіе культуры Египта на 250—300 лѣтъ. Изгнаніе гиксовъ около 1700 г. до Р. Х.

3) Новый или 2-й оиванскій съ 1700—1100 г. (18—20 дин.).

4) Съ 1100 г. (21 дин.) начинается упадокъ египетской монархіи. Періодъ этотъ ознаменованъ междоусобіями и набѣгами чужеземцевъ, и только съ 720—525 (кончая 26 дин.) или въ саитскій періодъ замѣчается оживленіе искусства.

Въ 525 г. Египетъ былъ покоренъ персами, и съ этого времени

*) Въ Европѣ египетскія древности собраны въ Лондонѣ (Британскій музей), въ Парижѣ (Лувръ), въ Берлинѣ, Туринѣ, Копенгагенѣ и др. городахъ. Небольшая, но очень разнообразная коллекція хранится въ Императорскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ. Въ Египтѣ—въ Каирѣ.

**) Такого порядка придерживается профессоръ Луврской Школы, С. Рейнахъ.

онъ не возвращалъ своей самостоятельности, переходя изъ рукъ въ руки, и искусство его теряетъ свою самостоятельность.

Характеристику искусства этихъ периодовъ можно подмѣтить, разсмотрѣвъ образцы скульптуры, рельефовъ, живописи и художественныхъ издѣлій отдѣльно въ каждый периодъ, оставивъ въ сторонѣ архитектуру. Что касается этой послѣдней отрасли искусства, то въ ней прежде всего какъ бы проявлено стремление поразить своей колоссальностью и техническимъ выполнениемъ такихъ сооружений, которыя могли быть возведены лишь съ невѣроятной затратой силъ и средствъ. Эта монументальность стоитъ на первомъ планѣ и заслоняетъ искусство. Она неизбежно привела сооруженія египтянъ къ удобнѣйшему для выполненія виду, къ простѣйшимъ стереометрическимъ формамъ. Большинство храмовъ и гробницъ болѣе или менѣе похожи одни на другіе, и только въ деталяхъ, какъ, напримѣръ, въ колоннахъ, замѣчаются нѣкоторое разнообразіе и постепенное развитіе.

II.

Произведенія скульптуры древняго Египта являются то въ видѣ колоссальныхъ фигуръ, расположенныхъ отдѣльно или прислоненныхъ къ стѣнѣ, то въ видѣ статуй, размѣрами подходящихъ къ человѣческому росту, и въ безконечномъ количествѣ малыхъ статуэтокъ. Иногда человѣческимъ фигурамъ придавалась голова животного: коровы, шакала, барана, кобчика (изображенія боговъ) или, наоборотъ, къ тѣлу животного: льва, медвѣдя; голова человѣка или другого животного (сфинксы). И въ этихъ монстрахъ египтяне такъ удачно соединяли голову человѣка съ туловищемъ льва, голову кобчика съ человѣческой фигурой и т. п., что получалось впечатлѣніе дѣйствительно живущаго существа.

Изъ болѣе мелкихъ произведеній встрѣчаются статуэтки кошекъ, крокодиловъ, ибисовъ, обезьянъ и другихъ животныхъ.

Материаломъ статуй и фигуръ служили каменные породы (известнякъ, гранитъ, діоритъ, алебастръ, базальтъ), иногда дерево, рѣже металлы. Очень часто фигуры раскрашивались, а въ глазныя впадины вставлялись глазныя яблоки изъ кварца, обдѣланныя въ металлическія оправы, или изъ горнаго хрустала. Глаза эти придавали особенную живость лицу фигуры. Иногда статуи украшались золотомъ, серебромъ и камнями.

Передача человѣческой фигуры въ скульптурѣ характеризовалась опредѣленными правилами, при чемъ расположеніе частей тѣла подчинено было закону, который названъ датскимъ археологомъ Sange: „la loi de frontalité“. Законъ этотъ заключается въ томъ, что всѣ фигуры, въ какой бы позѣ онѣ ни были, должны были имѣть одно направленіе всѣхъ частей тѣла — впередъ.

При этомъ всѣ сидяція фигуры похожи по расположенію частей тѣла одна на другую; также однородны стояція фигуры, идущія, и т. д.: у нихъ наблюдается одинаковость положенія головы, шеи, рукъ, всего корпуса, и всякое уклоненіе отъ этихъ правилъ — рѣдкое исключеніе. Когда группируются нѣсколько фигуръ на одномъ пьедесталѣ — вертикальныя оси ихъ параллельны.

На прилагаемомъ рис. № 1 показаны главнѣйшія позы египетскихъ статуй.

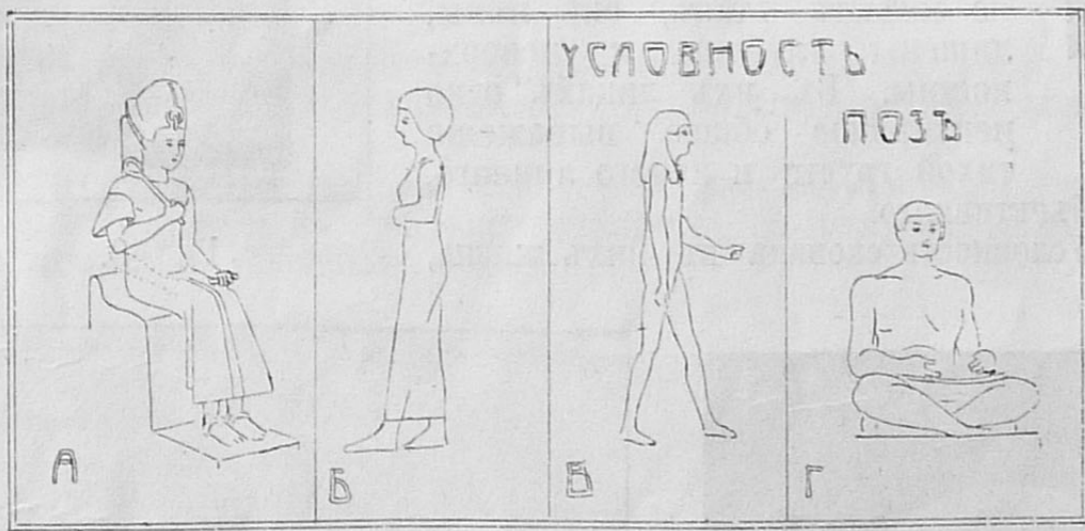

Рис. 1.

У сидящаго человѣка — прямой, безъ малѣйшаго изгиба, корпусъ, прямо поставленная голова и прямая спина, ноги согнуты почти подъ прямымъ угломъ, руки лежатъ вдоль колѣнъ. Правая рука иногда приподнята. Рѣже скрещены или сложены на груди обѣ руки (рис. 1—А *).

У стоящаго человѣка лѣвая нога почти всегда вынесена впередъ; руки опущены внизъ, или лѣвая рука согнута. Рѣдко — обѣ руки скрещены (В **).

Идущій человѣкъ держится ровно на обѣихъ разставленныхъ ногахъ; лѣвая нога впереди. Движенія нѣтъ, это — застывшая фигура. Линія центра тяжести проходитъ черезъ середину тѣла (В ***).

*) Таковы: съ руками, лежащими на колѣнахъ — Хефренъ (Каиръ), Jechi, Сезострисъ I, Аменемхатъ III (Каиръ), колоссы Мемнона, Аменофисъ I (Туринъ), статуэтки Озириса, Ануписа и др.; съ приподнятой правой рукой: Rahoter и Nefres (Каиръ), Рамзесъ II (Туринъ), Аменофисъ IV (Лувръ); со скрещенными руками: Менутгетепъ (Каиръ) и др.

**) Обѣ руки опущены: Раноферъ, Metesouphis, Ти, Тутмесъ III (всѣ въ Каирѣ), Горусъ безъ головы (Лувръ); лѣвая рука приподнята: сельскій староста (Каиръ), дама Такушитъ (Аѳины); дама Toui (Лувръ); скрещенныя руки: Khonsou (Каиръ) и др.

***) Такъ назыв. „Double du roi Aoutou-ab-ri Horus (Каиръ), Горусъ съ вытянутыми впередъ руками (Лувръ).

Въ дѣйствительности же движущійся человѣкъ опирается по очереди то на правую, то на лѣвую ногу (рис. 2).

Другія, рѣже встрѣчающіяся, позы: на колѣнахъ (Г *)), на корточкахъ, лежащая фигура, молотильщица зеренъ, мѣсьщикъ тѣста и др.

И во всѣхъ этихъ фигурахъ — фронтальное направленіе, т. е. ни одна часть тѣла не уклоняется ни вправо ни влево.

Въ эпоху древняго или мемфического царства произведенія скульптуры имѣютъ довольно грубый видъ. Большею частью это тяжелыя массивныя фигуры съ широкими плечами и узкими бедрами. Отдѣлка видна только въ головѣ. Но эти грубыя произведенія обладаютъ рѣдкимъ натурализмомъ. Въ нихъ мало отдѣлки, но много жизни и правды. Лучшими произведеніями этой эпохи считаются: статуя сcribes въ Луврѣ, такъ называемый „сельскій староста“ (sheikh-el-beled), его жена, статуя фараона Хефрена.

Скриба (le Scribe assoupi) — энергичная, сильная фигура человѣка, сидящаго по-восточному на землѣ. Писецъ держитъ одной рукой папирусъ, въ другой — палочку для писанія. Письмо на минуту прервано, и вся фигура сcribes, его лицо, застывшая рука — прекрасно передаютъ выраженіе вниманія и ожиданія продолженія диктовки отъ того лица, для котораго пишетъ скриба.

„Сельскій староста“ — вѣроятно начальникъ надъ рабочими при постройкахъ, сооруженіяхъ и т. п. Вульгарный типъ грубаго и сильнаго надсмотрщика переданъ превосходно.

На рис. 3 изображены головы этихъ двухъ извѣстныхъ статуй.

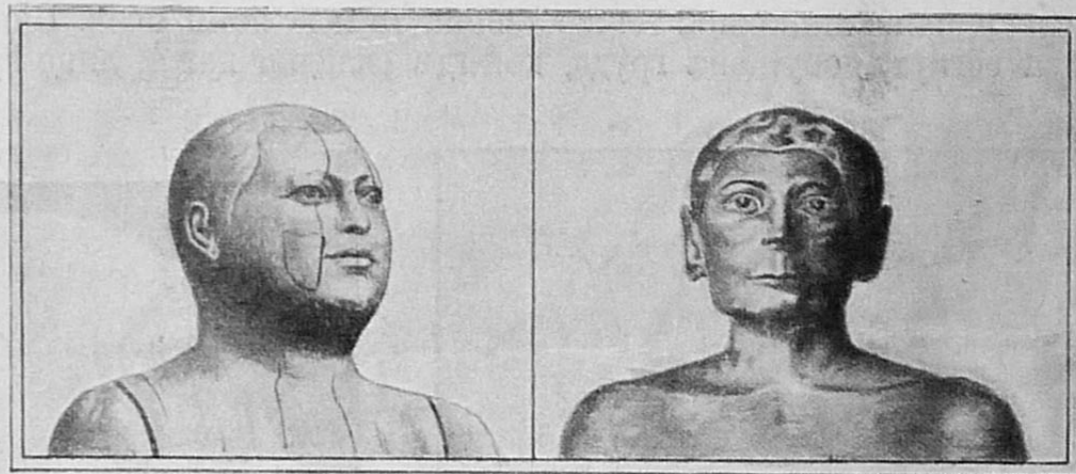

Рис. 3.

На рис. 4 представлена голова женской фигуры изъ дерева (лишенной рукъ и ногъ) изъ гробницы sheikh-el-beled'a (сельскаго старосты). На деревѣ слѣды прежней окраски. Дерево мѣстами разслоилось и дало трещины, но очертанія жизненнаго и характернаго лица вполне сохранились.

Вообще произведенія скульптуры древняго періода не рѣдко съ большимъ реализмомъ отражали характерныя черты египтянъ, а также ихъ частную жизнь, ихъ бытъ и профессіи.

Но съ началомъ средняго или Гиванскаго періода, когда Гивы дѣлаются столицей Египта, этотъ натурализмъ исчезаетъ. Мирный бытовой характеръ въ произведеніяхъ египетской скульптуры вытѣсняется стереотипными изображеніями боговъ, царей, знатныхъ лицъ. Въ это время возрастаетъ значеніе жрецовъ, религіозныя тайны окутываютъ жизнь и искусство египтянъ, а догматъ убиваетъ всякое свободное творчество. Каждый шагъ творца-художника былъ ограниченъ. Запрещено дѣлать статуи съ полураскрытыми глазами, съ разжатыми губами, съ повернутой или наклоненной головой, запрещены жесты и свободныя позы. Все должно быть точно и опредѣленно. И тогда искусство начало разрабатывать детали, явилось удлинненіе формъ, контуры стали мягче, линіи плавнѣе, а отдѣлка сообщила статуямъ изящество и элегантность. Особенно чиста и подробно эта отдѣлка во время 12 династіи. Изъ общаго числа банальныхъ произведеній этого времени выдѣляются: статуя „double du roi Aoutou-ab-ri“ (Каиръ) и сфинксъ Тауса (рис. 5).

Послѣ изгнанія гиксовъ съ 18 династіи (начало новаго или II гиванскаго царства) замѣчается оживленіе искусства, и самымъ

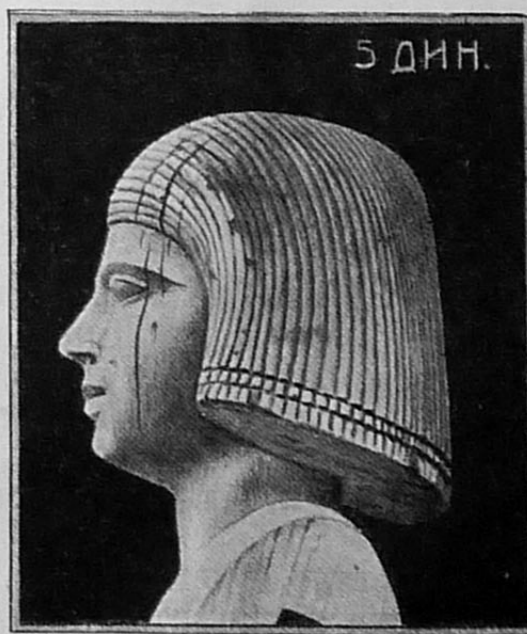

Рис. 4.

*) Скриба луврскій и каирскій.

интереснымъ временемъ этой династїи является царствованіе Аменофиса IV.

Этотъ фараонъ, какъ извѣстно, сдѣлалъ попытку учредить новую религію—поклоненіе единому богу, солнцу Атону или Атону, который изображался въ видѣ солнечнаго диска съ лучами, заканчивающимися кистями рукъ. Господствующій культъ Амона

Рис. 5.

былъ подвергнутъ гоненію; Аменофисъ IV объявилъ себя жрецомъ Атена и передѣлалъ свое имя на Хунатена, т. е. „сіяніе Атена“ *).

Для новаго божества были выстроены храмы, а на мѣстѣ современнаго намъ Тельель-Аморна основана новая резиденція фараона.

Сломавъ такимъ образомъ на время могущество жрецовъ, онъ поколебалъ старыя традиціи, и вмѣстѣ съ религіей обновилось и искусство. Классическій холодный стиль предковъ пересталъ быть обязатель-

нымъ, и въ искусство какъ бы проникло дуновеніе жизни. Отвергнувъ опытныхъ мастеровъ строгой школы, Аменофисъ IV призвалъ провинціальныхъ художниковъ, менѣе технически подготовленныхъ, но зато болѣе искреннихъ и стоявшихъ ближе къ природѣ.

Самъ фараонъ требовалъ, чтобы изображенія его были правдивы до передачи даже физическихъ недостатковъ. Таковыми являются: статуэтка Хунатена изъ желтаго стеатита и бюстъ изъ известняка (оба въ Луврѣ, въ Парижѣ).

Парижская статуэтка изображаетъ фараона сидящимъ на тронѣ въ совершенно лишенной торжественности и величія позѣ. Спина слегка согнута, опущена грудь, кой-гдѣ складки кожи; лицо про-

Рис. 6.

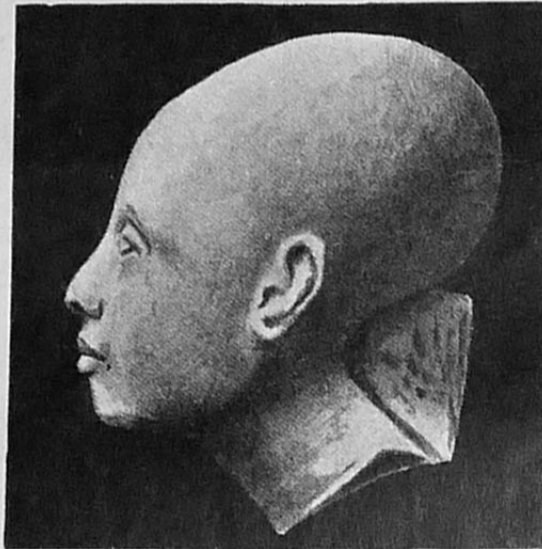

Рис. 7.

стое, съ выраженіемъ вопроса (рис. 6). Общее впечатлѣніе утомленнаго больнаго человѣка съ признакомъ душевнаго разлада. Голова посажена на тонкой шеѣ и выдается впередъ.

Превосходная правдивая передача замѣтна и въ другихъ скульптурныхъ произведеніяхъ этого времени, какъ, напримѣръ, въ торсѣ молодой дѣвушки или головѣ дочери Хунатена (рис. 7). А. Moret считаетъ эти вещи, по превосходству моделировки и высокому правдивому исполненію, чудесами скульптуры всѣхъ временъ **).

Какъ видно будетъ дальше, еще большее вліяніе оказало время Аменофиса IV на рельефы и живопись. Но это направленіе также быстро и исчезло. Третій фараонъ послѣ Аменофиса IV, Тутонхамонъ, примирился съ жрецами, а Гаремибіи возстановилъ культъ Амона. Реформы Хунатена погибли, и свѣжая струя въ искусствѣ была снова подавлена строгой классической школой.

Остальное время новаго царства—эпоха академизма. Искусство разрабатываетъ детали—черты лица, складки одежды, украшенія. Но многія вещи этого періода изящны и элегантны. Такова, напр., фигура Рамзеса II (19 дин.), находящаяся теперь въ Museo delle antichita въ Туринѣ. Фараонъ сидитъ въ полномъ облаченіи, съ шлемомъ на головѣ и со скипетромъ въ рукахъ. Формы тѣла худощавыя, талія тонкая. Такова и статуэтка Nai, которая очень изящна и напоминаетъ фигурки Танагры ***).

***) Шу-эхъ-атенъ, Эхнатонъ, Кунатонъ переводится также: „прїятный Атону“ („celui qui plaît au dieu Aton“—A. Moret, „Rois et Dieux d’Egypte“).

**) A. Moret, „Rois et Dieux d’Egypte“.

*) Изображенія этихъ двухъ извѣстныхъ произведеній можно встрѣтить въ любомъ иллюстрированномъ описаніи древняго Египта. Рис. 8—голова Рамзеса II.

Въ первое столѣтіе послѣ Рамзеса III появились бронзовыя изваянія, какъ, напр., статуя царицы Карамамы (Луврѣ). Къ этому же времени въ фигурахъ боговъ, животныхъ и особенно кошекъ замѣчается довольно искусная стилизація. Пристрастіе къ колоссальнымъ изображеніямъ мало-по-малу исчезаетъ, и появляется множество изящныхъ, богато украшенныхъ миниатюрныхъ фигурокъ изъ бронзы.

Такова бронзовая статуэтка съ инкрустаціей: „дама Такушитъ“ (Аѳины) саитскаго періода (рис. 9). Въ этой изящной и граціозной фигуркѣ замѣчается подражаніе манерѣ древняго періода.

Вообще же въ саитскій періодъ, какъ противобѣсъ иноземнымъ вліяніямъ, возвращаются традиціи мемфисскаго искусства. Лучшимъ произведеніемъ этой эпохи считается голова изъ краснаго песчаника въ Луврѣ (рис. 10), которую С. Рейнахъ *) сравниваетъ съ лучшими портретами художниковъ XV вѣка, какъ, напр., Ванъ-Дейка. Въ колѣнныхъ фигурахъ встрѣчается искусная схематизація человѣческой фигуры въ простѣйшей геометрической формѣ (рис. 11).

Вообще же въ египетской скульптурѣ послѣ тяжелыхъ, но реальныхъ фигуръ перваго періода иногда попадаются статуи, которыя можно назвать интересными, изящными, граціозными, но онѣ не даютъ никакого откровенія, и въ нихъ не рисуется человѣческая натура. Онѣ не принадлежатъ къ такимъ произведеніямъ, которыя говорятъ все болѣе, чѣмъ больше ихъ разсматривать. Онѣ не имѣютъ тайнъ, онѣ нѣмы, лишены глубины и поверхностны. Въ ихъ лицахъ одно неизмѣнное общее выраженіе тихой грусти и ничего личнаго, субъективнаго.

Условность сковала въ нихъ жизнь,

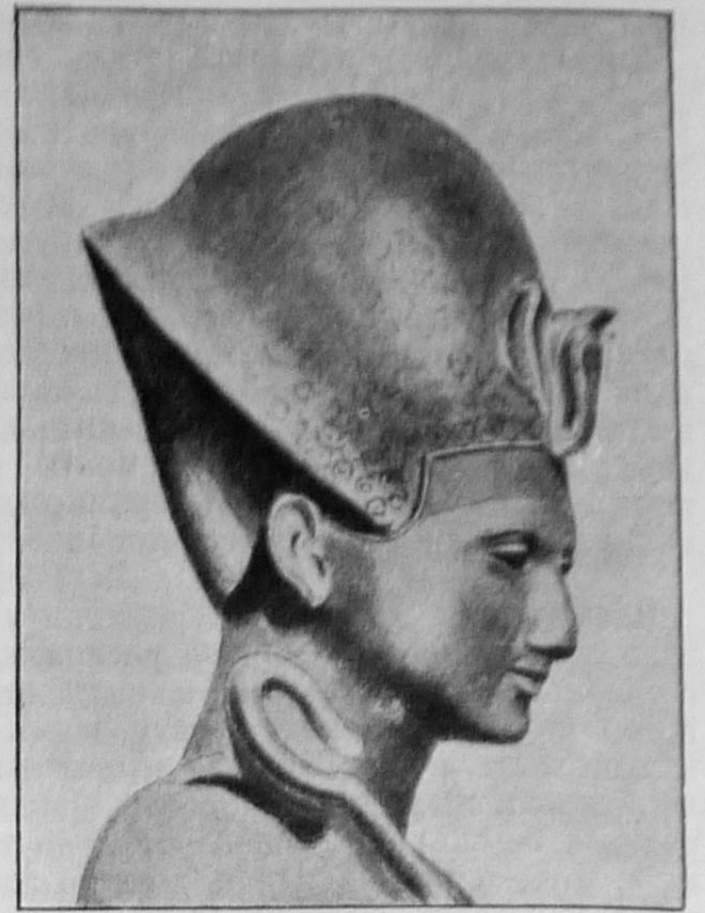

Рис. 8.

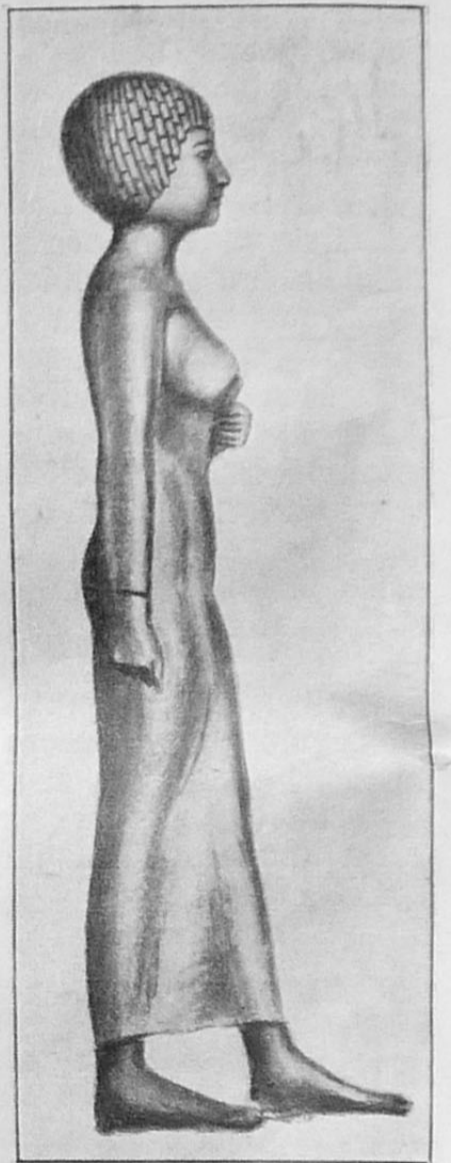

Рис. 9.

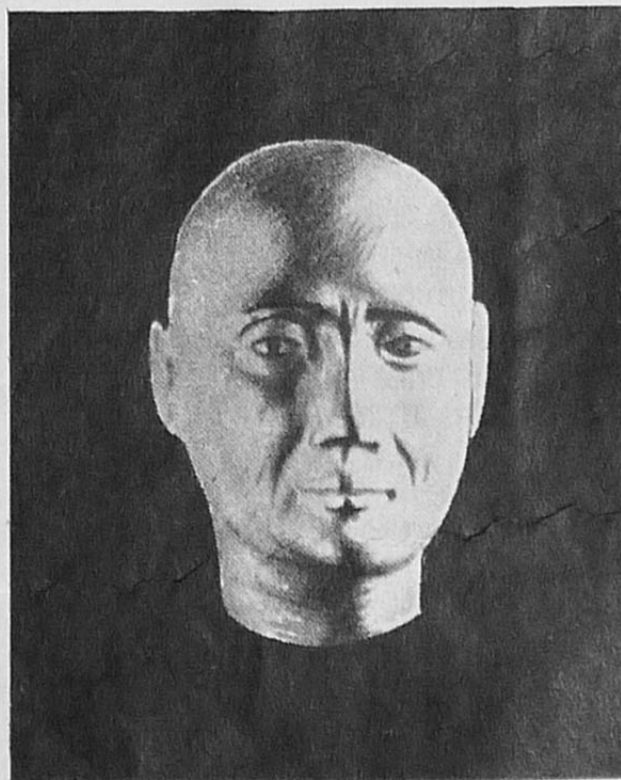

Рис. 10.

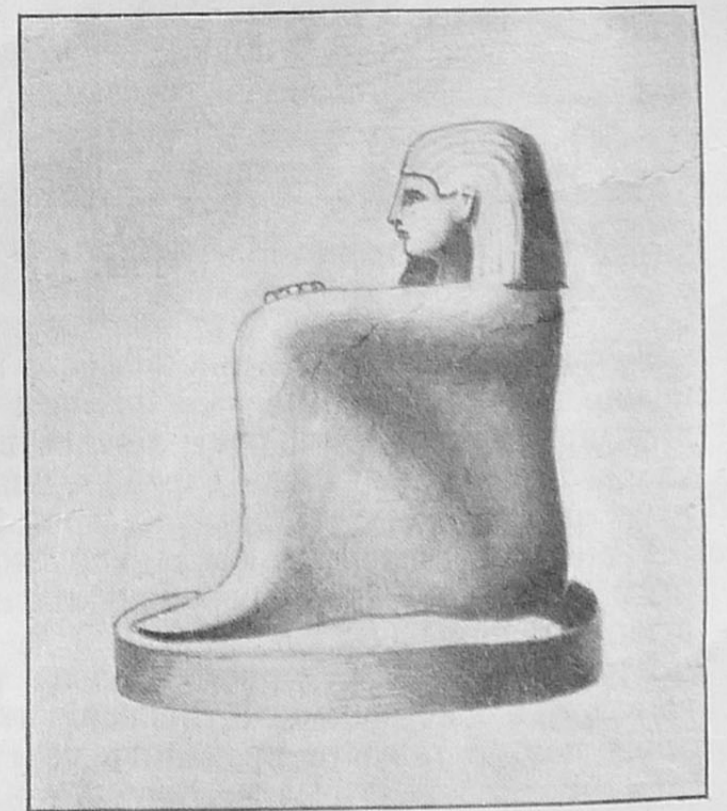

Рис. 11.

и онѣ остались неподвижными, точными и опредѣленными, какъ гіероглифическіе знаки.

*) Histoire générale des arts plastiques. Apollo. 1910.

III.

Своеобразная законность форм, присущая только одному египетскому искусству, наблюдается также и в рельефах, покрывавших стѣны гробницъ, поверхности саркофаговъ, надгробныхъ плитъ, иногда безъ окраски, иногда раскрашенныхъ. Надо думать, что первоначально это были лишь контуры, высѣченные на камнѣ.

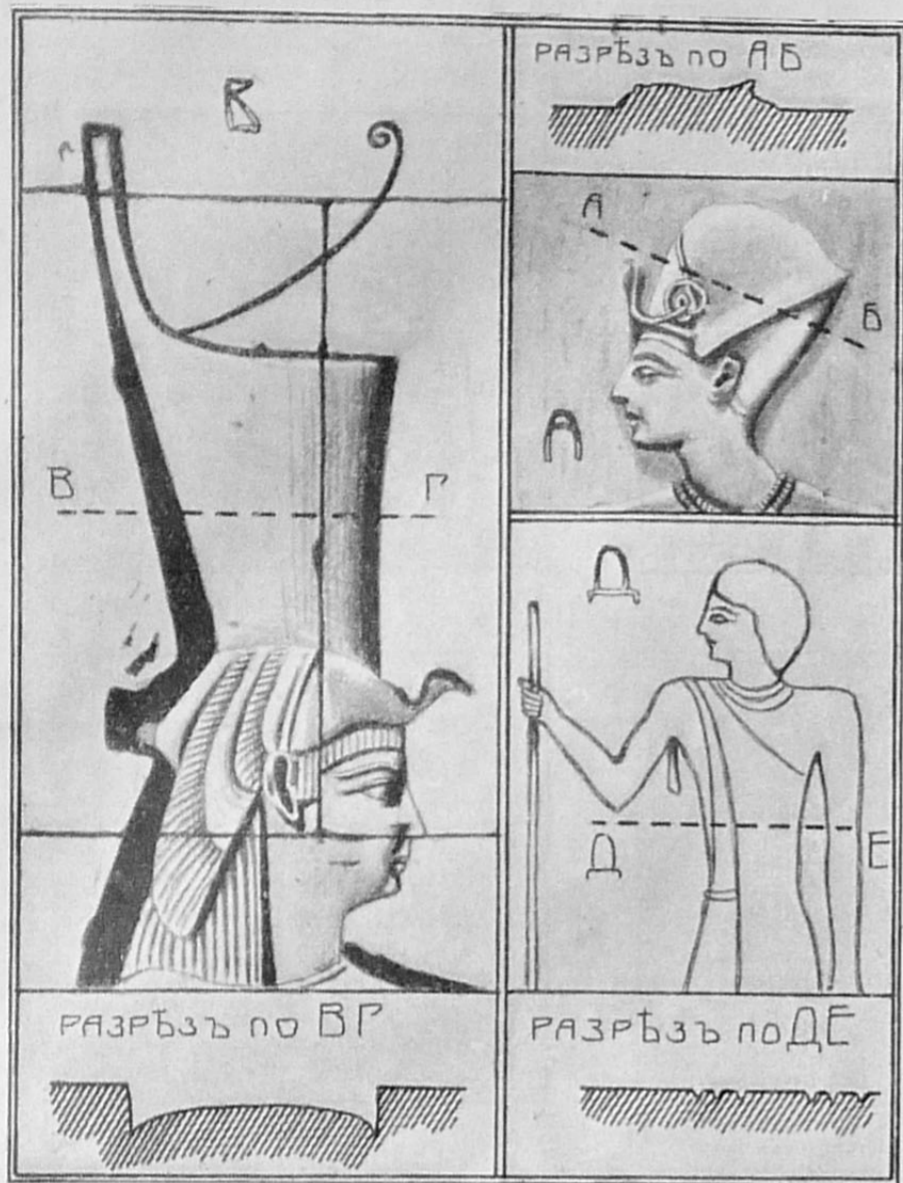

Рис. 12.

ность фигуръ и поле, на которомъ нарѣзанъ рельефъ,—на одной высотѣ, и фигуры закругляются у контура. Моделировка или отдѣлка поверхности фигуръ самая незначительная, выраженная скорѣе штрихами и контурами.

Въ Императорскомъ Эрмитажѣ имѣется нѣсколько такихъ рельефовъ, напримѣръ, на плитѣ № 1092 (умершій, по имени Бутера, молится божеству Ра), на каменныхъ саркофагахъ мумій, на небольшой пирамидѣ въ честь солнечнаго божества (№ 2260), на обломкахъ вазъ № 2507 и др.; въ нѣкоторыхъ рельефахъ, благодаря болѣе тщательной моделировкѣ, поверхность рельефа уже нѣсколько углублена.

Это углубленіе достигало иногда у египтянъ 1—1½ дюйма, и весь рельефъ выходилъ пониженнымъ (dans le creux — рис. 12—В).

Кромѣ этого, встрѣчаются выступающіе, выпуклые рельефы (барельефы), потомъ заимствованные у египтянъ греками. (Рис. 12—А).

Что же касается манеры исполненія рисунка рельефа (что также относится и къ живописи египтянъ), то она выражалась въ слѣдующихъ условныхъ правилахъ:

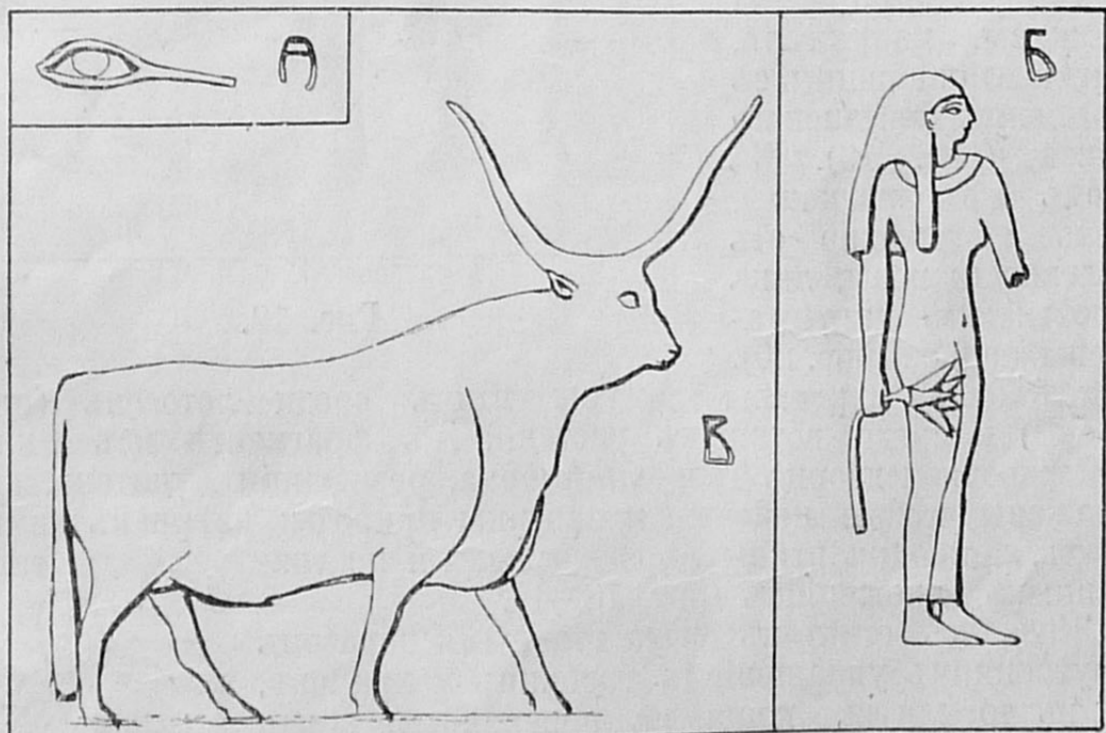

Рис. 13.

1) Голова всегда изображалась въ профиль, но глазъ en face, чаще всего съ характернымъ удлинениемъ, какъ показано на рис. 13—А. Плечи и грудь en face, но животъ уже въ 3/4, а ноги въ профиль (рис. 13—В). Такимъ образомъ фигура обрисовывается такъ, чтобы корпусъ, плечи, руки и ноги были ясно изобра-

*) Такихъ табличекъ нѣсколько въ Императорскомъ Эрмитажѣ.
**) Walter Crane. „Linie und Form“.

жены. Художникъ какъ бы избѣгаетъ протяженій въ глубину и распластываетъ ихъ въ плоскости рисунка. Онъ поворачиваетъ голову вправо или влево, чтобы получить ясный контуръ лица, лба, носа, рта, подбородка и шеи, но такъ какъ разрѣзъ глаза при этомъ положеніи головы будетъ перпендикулярнымъ къ плоскости рисунка, то онъ рисуетъ его въ фасъ. То же правило соблюдено относительно ступней ногъ. При этомъ еще одна условность: обѣ ноги одинаковы, т.-е. обѣ правыя или лѣвыя,—это замѣчается по очертанію пальцевъ.

Въ силу того же закона голова быка обрисовывается въ профиль, но рога en face (рис. 13—В). Хотя вообще эти позы физически или невозможны, или трудно выполнимы, но, благодаря постепенному перегибу отъ ногъ до плечъ и пропорциональности частей тѣла, фигуры не производятъ впечатлѣнія уродства, и условность эта не исключаетъ правильныхъ и красивыхъ линий тѣла и гармоничнаго контура.

Во всякомъ случаѣ эта оригинальная манера происходила не въ силу неумѣнья рисовать en face, такъ какъ у египтянъ встрѣчаются иероглифическіе знаки, лица въ фасъ и изображеніе совы тоже съ головой въ фасъ.

2) Перспектива отсутствуетъ, что и должно было вытекать изъ правила: избѣгать изображеній въ глубину рисунка. Разъ протяженія рисунка въ глубину нѣтъ—немыслима перспектива. Поэтому всѣ фигуры задняго плана выносятся наверхъ, какъ бы на второй ярусъ рисунка. Получается не картина, а какъ бы собраніе мотивовъ-матеріаловъ для будущей композиціи. Рѣка изображалась однородной полосой; сверху и снизу деревья. Впрочемъ, иногда допускалось изображеніе второго плана непосредственно за первымъ. Это—зачатки перспективы *).

3) Изображеніе царей и знатныхъ людей больше по величинѣ остальныхъ. Побѣдители больше побѣжденныхъ.

Относительно выбора сюжетовъ и самаго характера исполненія рельефовъ можно заключить слѣдующее:

Въ древнемъ царствѣ чаще всего въ рельефахъ (какъ и въ живописи) встрѣчаются сцены повседневной жизни: полевая работа, рыбная ловля, охота, домашнія занятія. И въ этихъ изображеніяхъ нерѣдко играетъ жизнь; фигуры, несмотря на условность позъ, не лишены выраженія и движенія, но все это въ зачаточномъ состояніи. Что же касается сценъ религіознаго содержанія, то фигуры ихъ застыли въ опредѣленныхъ и точныхъ положеніяхъ.

Въ среднемъ царствѣ, когда жанръ вытѣсняется сценами религіозными, исчезаетъ реальное воспроизведеніе жизни. Остаются одни строгія линіи и сухой формализмъ фигуръ. Позы торжественныя и натянутыя. И только иногда, при изображеніи людей незначительныхъ, какъ слуги, рабы, музыканты, допускаются болѣе обыденныя и натуральныя позы (рис. 14), не подходящія къ лицамъ высокаго положенія.

Рис. 14.

То же направленіе переносится и въ новое царство. Отбросивъ реальное воспроизведеніе жизни, египетскіе художники обращаютъ весь свой талантъ и умѣнье на формы и внѣшнюю обработку, и рельефы достигаютъ высшаго художественнаго пункта въ смыслѣ чудесной тонкости исполненія, изящества контуровъ, мягкой моделировки и отдѣлки деталей, не нарушая строгихъ правилъ догмата. И только во время 18-й династіи, а болѣе всего въ царствованіе Аменофиса IV, когда вообще искусство дѣлается свободнѣе, вносится нѣкоторое оживленіе и въ рельефы. Изображенія Аменофиса IV и его семьи очень жизненны, а утрировка недостатковъ даетъ даже карикатуру (рис. 15).

Но уже во время 19 династіи, отъ котораго осталось множество рельефовъ съ изображеніями Сети I и Рамзеса II, опять царствуютъ условность позъ, разработка деталей, нѣжная моделировка и искусственное воспроизведеніе красивыхъ лицъ и изящныхъ фигуръ египтянъ въ противоположность грубой наружности иноземцевъ. Сюжеты рельефовъ чаще всего—побѣды и триумфы. Встрѣчаются стереотипныя изображенія скачущихъ коней, иногда попадаются лица en face, но очень неуклюжей работы.

И такъ продолжается до начала греческаго вліянія.

Рис. 15.

*) Какъ и въ живописи (см. дальше).

IV.

Живопись у египтян появилась очень рано; первоначально это были раскрашенные иероглифы, позднее — расписные рельефы или картины и изображения на стенах, на саркофагах мумий и т. п. Отличительными свойствами египетской раскраски — контур, обведенный черной или красной краской, и плоское, однотонное заполнение красками без переходящих тонов частей рисунка, напоминающее топографическое или минеральное. В рисунке были светлые и темные части, но не было свето-тени. Картины писались на камне, дереве, на сухой штукатурке, на папирусе, и благодаря сухости климата многие прекрасно сохранились.

Что касается характера исполнения рисунка, то в этом отношении в живописи применялась та же плоскостная передача изображений без перспективы, как и в рельефах (рис. 16—А).

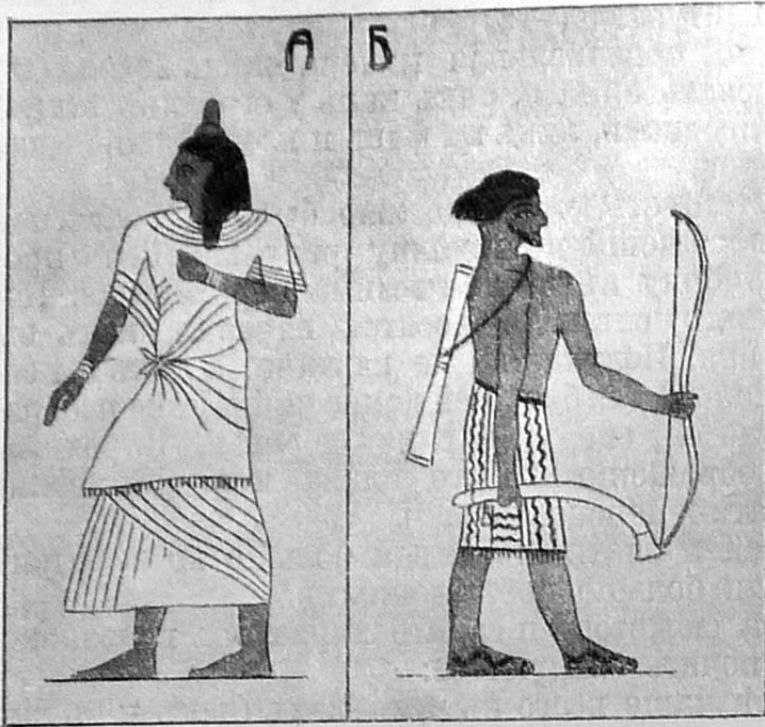

Рис. 16.

Эта манера особенно заметна в изображениях религиозных сцен, победоносных битв, шествий в загробную жизнь и т. п. При этом иногда встречается несколько иной способ изобразить человеческую фигуру, как это видно на рис. 16—Б. Здесь желание показать на рисунке оба плеча в фигуре, представленной в профиль, ведет уже к уродству*). Но вообще в живописи больше свободы и разнообразия, чем в

рельефах, и нередко в общих группах среди условных фигур попадает более жизненная и реальная передача без вывернутых плеч и рук. Изображения частной жизни, бытовые сцены связаны условностью еще меньше, они правдивее, интимнее, иногда в них сквозят добродушие, юмор, карикатура.

Кроме этого, в живописи не редки картины из жизни природы со свободной передачей животного и растительного мира.

Почти во всех изображениях египетской живописи перспектива отсутствует также, как и в рельефах. На рис. 17—А — условное изображение пруда, на противоположных берегах которого растут пальмы.

Рис. 17.

Вода окрашивалась в матово-голубой цвет; волны — зигзаги; листья дерева — ровное зеленое пятно с красноватыми нервами — сучьями; иногда листья очень тщательно отбрана.

Египтяне имели в распоряжении большое число красок. По свидетельству Girard'a***), уже при первых династиях встречаются: красная, голубая, желтая, зеленая, коричневая, белая и черная краски. Во время среднего царства уже попадают 2 оттенка красных, 2 голубых, 3 желтых, 2 зеленых, 3 коричневых. Ко времени нового царства в окраске уже уча-

*) Этот способ встречается и в рельефах, но в совершенно уже в грубых формах. (Остаток колонны гробницы Nefer-Sechem-Be в Саккара).

**) Girard. „La peinture antique“.

***) „La peinture antique“ par Paul Girard.

ствует до 14—16 тонов. Большая часть красок — минеральная, хотя встречаются и металлические. При подборе красок египтяне не редко чувствовали гармонию цветов, например, гармоничное сочетание желтой краски с синей.

В древнем царстве, как и в рельефах, мотивами живописи часто служили изображения повседневной жизни. В среднем царстве кроме условных изображений уже встречается свободная передача животного мира, как, например, картины

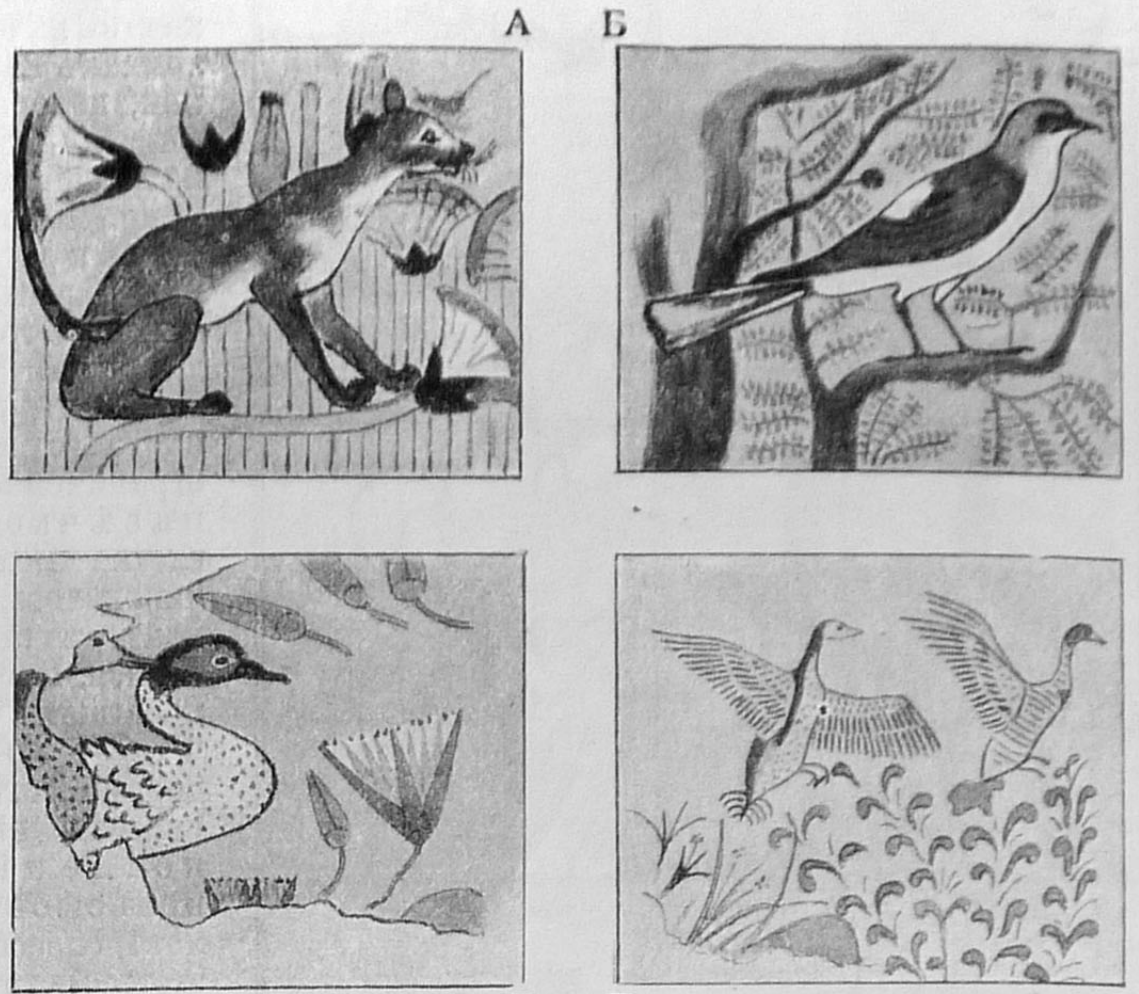

Рис. 18.

на стене живописи гробницы в Бени-Гасань, детали которой — кошка и птица — изображены на рис. 18 А и Б.

В новом царстве рисунки условной живописи делаются тонкими, изящными и пропорциональными при многоцветной окраске. Таковы рисунки этого времени на папирусе, свертки коего при давались мумиям. На этих свертках писались известные изречения и изображались сцены суда над мертвыми. Лучшими такими папирусами (книги мертвых) обладают Турин и Британский музей в Лондоне. В Императорском Эрмитаже есть части книги мертвых.

Во времена 18-й династии нередко встречается свободная передача движения человека. Как хороши, грациозны и живы, например, фигуры танцовщиц с фрагмента Британского музея (рис. 19). На этом же фрагменте, как отступление от условности позы, лица флейтисток изображены en face (рис. 20).

Естественно переданы фигуры птиц среди лотосов (рис. 18—В) и среди водяных растений в фрагменте из Фив. В живописи дворца Тель-ель-Аморна, резиденции Хунатена, изображены целые пейзажи и картины природы: звери в камышах, летающие птицы в свободных и не связанных положениях (рис. 18—Г).

Живопись египтян была главным образом внутренним украшением гробниц и храмов, и в то время, когда на поверхности земли древнего Египта царили строгие формы пирамид, обелисков, колоссальных статуй, сфинксов, в которых выражалась египетская философия и религия, — все обаяние живописи, вся ее интимность была скрыта от взоров людей — живопись как бы ушла от сурового догмата в могильные склепы. И когда могилы были открыты и обнаружены образцы этой удивительной живописи, когда были изучены эти фрагменты — ожили и затрепетали благородные строгие линии и рассказали всю жизнь египтян.

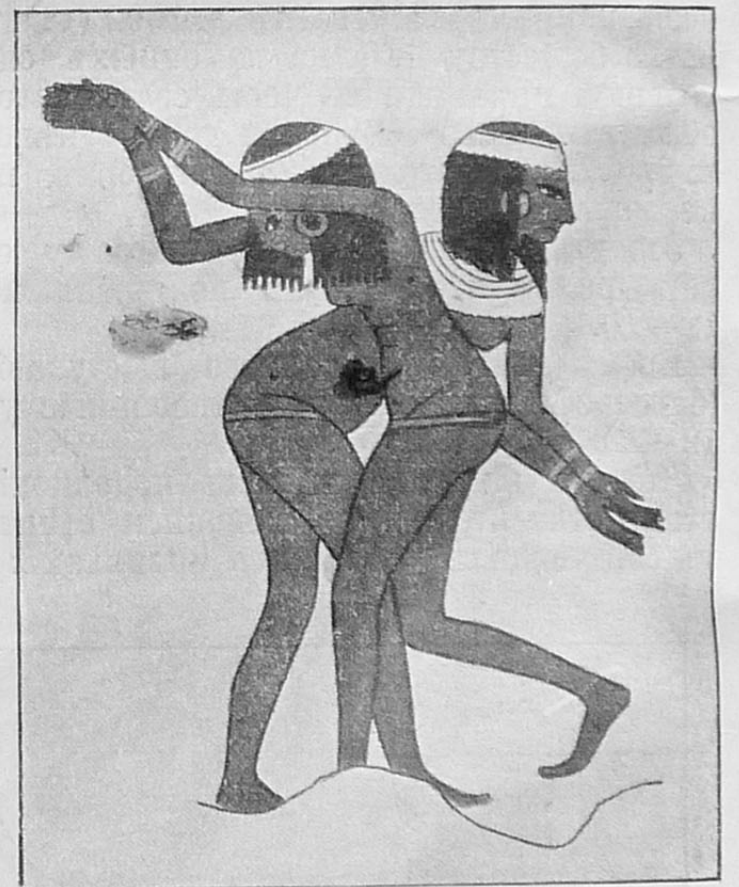

Рис. 19.

Рис. 20

Такимъ образомъ значеніе египетской живописи и рельефовъ громадно для исторіи культуры и искусства этого народа. Изображенія этой художественной отрасли такъ многочисленны, разнообразны по содержанию и имѣютъ такое глубокое отношеніе къ быту народа, что служатъ наглядными и ясными картинами жизни, обычаявъ, религіи, а также природы—флоры и фауны древняго Египта. Г. Масперо, подобравъ мотивы рельефовъ и живописи, составилъ полную и интересную картину жизни древняго Египта. Снабдивъ свою книгу рисунками этихъ образцовъ, авторъ вводитъ читателя въ частную жизнь простолюдина-египтянина, ведетъ на рынокъ и въ торговыя лавки, показываетъ шествіе фараона, наборъ войска, войну, жертвоприноше-

нія и т. д. *). Съ другой стороны, эти изящные, тонкіе и отчетливые рисунки даютъ намъ первый примѣръ приложенія декоративнаго искусства.

Въ самомъ дѣлѣ, египетская живопись далека отъ картинъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ. Незнаніе или игнорированіе правилъ перспективы, условность формъ и окраски, отчетливость линій и ясность окраски, ритмичность расположенія фигуръ — все это непримѣнимо къ картинамъ и является средствами декоративнаго искусства, и весь пестрый, разноцвѣтный коверъ египетской живописи, покрывавшій стѣны и колонны, былъ одной роскошной декорацией.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. Я. Надсонъ. (Портр. на этой стр.).

19 января с. г. исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня кончины поэта Семена Яковлевича Надсона, стихотворенія котораго до сихъ поръ пользуются такой глубокой любовью у русской интеллигенціи и въ особенности у русской молодежи.

Ровно четверть вѣка тому назадъ въ Ялтѣ, на берегу лазурнаго моря, въ тѣни кипарисовъ и олеандровъ, почилъ вѣчнымъ сномъ молодой, безвременно подкошенный чахоткой поэтъ. Въ годы, когда только начинается настоящій расцвѣтъ таланта, Надсонъ уже былъ обреченъ судьбой на исчезновеніе изъ этой жизни, для которой и во имя которой онъ оставилъ нашимъ поколѣніямъ такія сердечныя, такія проникновенныя пѣсни.

„Какъ мало прожито, какъ много пережито“, — эти слова можно поставить, какъ эпитафію, надъ біографіей скорбнаго поэта-идеалиста, скончавшагося 19 января 1887 года. Мало прожилъ Надсонъ, но пережилъ, въ смыслѣ чувствованій и страданій, много... Въ его стихахъ отразилась смятенная душа молодого идеалиста, жадно ищущаго и не находящаго въ окружающей жизни осуществленія того, чѣмъ томится его сердце: идеаловъ любви, братства, правды, торжества добра. Надсонъ жилъ, творилъ и умеръ типичнымъ хорошимъ русскимъ юношей, который горитъ тоской по правдѣ жизни и страстно ненавидитъ Ваала и все, что отъ Ваала... Юный идеализмъ и молодая тоска о несоответствіи обыденной жизни съ требованіями идеалистическихъ порывовъ — вотъ все содержаніе поэзіи Надсона. Но это содержаніе, можно сказать, исчерпываетъ всю человѣческую душу, еще не погрязшую въ старческомъ маразмѣ и въ будничной суетѣ... Этимъ содержаніемъ проникнута именно душа молодости, и потому Надсонъ былъ и остается поэтомъ молодыхъ душъ, пѣвцомъ незапятнанной душевной молодости. И потому онъ и пользуется такой любовью у подрастающихъ поколѣній, несмотря на уныло-элегическій тонъ многихъ своихъ стихотвореній и несмотря на то, что молодости, въ общемъ, совершенно несвойственны уныніе и душевный мракъ.

Уныніе однако вовсе не составляетъ доминирующей ноты въ творествѣ безвременно скончавшагося поэта. Онъ вѣрилъ въ торжество идеала. Достаточно вспомнить его знаменитое стихотвореніе: „Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ“.

Любовь не навѣки ушла изъ міра, зло не навсегда воцарилось въ немъ. Падать духомъ не надо, потому что

И настанетъ пора, и погибнетъ Вааль,
И вернется на землю любовь.

Поэзія Надсона — аккордъ, рожденный страданіемъ, зазвучавшій

во тьмѣ, но осіянный зарею прекраснаго и свѣтлаго будущаго. Тотъ аккордъ, о которомъ онъ самъ говоритъ въ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ своихъ стихотвореній:

Пусть арфа сломана —
аккордъ еще рыдаетъ...

Этотъ рыдающій аккордъ звучитъ до сихъ поръ полно и звучно для всякаго, кто вѣритъ въ торжество добра на землѣ и кто понимаетъ именно въ этомъ смыслѣ поэзію Надсона — грустную и безнадежную лишь на первый, поверхностный взглядъ. Этотъ аккордъ звучитъ нынѣ, въ двадцатипятилѣтнюю годовщину его смерти еще громче и опредѣленнѣе, чѣмъ при жизни поэта.

Не безнадежнымъ „пѣвцомъ тоски“ былъ покойный Надсонъ, какъ привыкли считать его, но пѣвцомъ молодыхъ и свѣтлыхъ стремленій, и только нерадостная, постоянно обвѣянная приближеніемъ мучительной смерти, жизнь набросила на его творчество вуаль грустной задумчивости и элегичности.

Его жизнь была печальна и промелькнула, какъ мигъ, но она была озарена такимъ сверкающимъ творчествомъ и такой яркой идеалистической вдохновенностью, что даже ея „мгновенность“ несколько не отнимаетъ у нея ни цѣнности ея ни значительности. Самъ Надсонъ говоритъ объ этомъ въ своемъ стихотвореніи „Икаръ“:

Пусть это только мигъ —
короткій, бѣглый мигъ,
И послѣ гибель безъ возврата,
Но за него — такъ былъ онъ
чуденъ и великъ —
И смерть недорогая
плата.

Жизнь С. Я. Надсона не богата внѣшними событіями.

Онъ воспитывался во 2-й С.-Петербургской военной гимназій (нынѣ 2-й кадетскій корпусъ) и въ Павловскомъ военномъ училищѣ. А по окончаніи курса въ этомъ училищѣ, опредѣлился въ офицеры въ Каспійскій пѣхотный полкъ, который квартировалъ тогда въ Кронштадтѣ. Чтò побудило поэта избрать военное поприще, столь несвойственное ему, — объ этомъ трудно судить.

*) Историческія чтенія: „Египетъ Ассирія“. Г. Масперо, 1905 г.

Памятникъ С. Я. Надсону на Волковомъ кладбищѣ. По фот. Н. Рахманова.

Здоровье Надсона, всегда слабое и ненадежное, совершенно не подходило для суровой военной службы. И все симпатии Надсона, все его житейские стремления целиком тяготели только к литературе. Он и Каспийский полк избрал, как говорят, только потому, что полк этот находился в Кронштадте, поблизости к столицам и к столичным редакциям и литературным кружкам.

Литературная деятельность Надсона началась очень рано — на школьной скамье. В 1910 году в „Ниве“ было помещено одно из стихотворений, написанных поэтом еще в бытность его в военной гимназии („У камин“. „Нива“ 1910 г. № 5). В настоящую, большую литературу Надсон вступил очень рано для своего возраста. Редакторам журналов, в которых были помещены первые стихотворения Надсона, последний казался „мальчиком“. Рано начал он свою литературную карьеру — и рано кончил ее.

Первое напечатанное произведение Надсона: „Заревомь заката даль небесъ объята“ — вызвало всеобщие симпатии к его молодому и свежому дарованию. Надсон как-то сразу вошел равноправным членом в семью тогдашних литераторов и был благословлен такими патриархами нашей литературы, как А. Н. Плещеев и М. Е. Салтыков, и стал сотрудником таких влиятельных и солидных журналов, как „Вестник Европы“, „Отечественныя Записки“, „Слово“... Как-то сразу разгорелась популярность молодого поэта и среди читающей публики. Надсон в скором времени сделался настоящим кумиром ее, и когда он выступал с своими стихотворениями на литературных вечерах, публика приходила в неописуемый экстаз. Поэта встречали и провожали громкими овациями. Стихи его тут же заучивались наизусть, и, выходя на улицу, посетители громко декламировали: „Облетели цветы, догорели огни“, или блестящая строфа из прелестной „Весенней сказки“.

Но слишком рано „облетели цветы и догорели огни“ и в жизни поэта. Злой недуг подкрался к нему и приковал его к постели. Надсон провел довольно много времени на юге, в Ницце и Ментоне, но без видимой пользы для здоровья. Стремление к петербургской деятельности и жизни, желание жить среди привычных петербургских литературных кружков потянуло его снова на север. В конце 1886 года поэту стало совсем плохо. Чахотка развилась до такой степени, что пришлось снова все бросить и ехать на юг. Надсон уехал в Ялту. Но юг уже не спас его, и 19 января он тихо почил в этом красивом южном городе, где вся природа говорит, повидимому, только о жизни и о сладости бытия...

Усопший поэт пожелал покониться в туманном и холодном Петербурге, среди почивших товарищей по перу и искусству. Тело его было перевезено в Петербург и предано земле на Волковом кладбище, по соседству с Белинским и Добролюбовым. Над прахом его был потом воздвигнут довольно скромный памятник.

Произведений Надсона, как известно, имеется довольно немного. Все его стихотворения умещаются в небольшом том, изданном Литературным Фондом. Но этот том выдержал уже семнадцать изданий и до сих пор не залеживается на полках книжных магазинов. И то немногое, что оставил после себя Надсон, мы думаем, никогда не пройдет и не забудется. И пролетая им пьесу молодости, полная живой веры в светлое будущее и призывов к братству, любви, свободе и счастью, навсегда останется в человеческой памяти и в сердцах, как один из вечных „глаголов Неба“.

Отделение Монголии.

(Политическое обозрение).

Политическая жизнь полна непримиримых противоречий. И отечественная и особенно заграничная печать трактуют современную Россию, как колосса на глиняных ногах, как государство с подорванными экономическими, административными и военными силами, утратившее прежний престиж в неудачной войне с Японией, ослабленное внутренними неурядицами и еще не успевшее восстановить свою былую мощь. И в то же время мы со всех сторон слышим опасливые подозрения, выражаемые тоном полной уверенности, что это хилое, якобы расслабленное, государство протягивает свои хищные длани, чтобы дочиста ограбить соседей. В Лондоне пацифисты и германофилы собирают шумные митинги с требованиями заступничества Англии за наполовину уже проглоченную Россией Персию. Германские публицисты кричат о присоединении к России провозглашенной своей независимости Монголии. Американцы опасаются присоединения к русским владениям Северной Манчжурии, купленной по тайному соглашению Петербурга с Токио ценой присоединения к Японии Южной Манчжурии и Квантуна. Наконец революция в Кульдже ставит на очередь вопрос о возврате нам этой провинции, недавно уступленной Китаю, в возмещение чего Англия получает Тибет, а Франция расширяет свои южно-китайские колонии.

Столь преувеличенные опасения русских захватов плохо мирятся с столь уничижительной оценкой России. Умирающая

государства едва ли обнаруживают способность к такому быстрому росту во все стороны сразу, а государства, способные так быстро шириться и расти, едва ли могут считаться умирающими. И в том и в другом мифично чувствуется явное преувеличение. Россия вовсе не живая развалина и в то же время совсем не все поглощающий спрут. Она устойчива в своем внутреннем могуществе и отнюдь не стремится расплыться по всему материкам Европы и Азии. Хотя, разумеется, внутренний развал и слабость соседей дают нам безграничное преимущество силы и над Персией и над Китаем, и частичное поглощение отпадающих от них провинций безпрепятственно может быть осуществлено путем миролюбивых соглашений с остальными сильными претендентами — Японией и Англией, — тем не менее реальные политические интересы России отнюдь не оправдывают безумно быстрого расширения ее территории. Уже одна Монголия с С. Манчжурией почти превышает всю территорию остального Китая. Для того, чтобы желать таких колоссальных приобретений, надо иметь уверенность в своей способности справиться с ними. При господствующей системе централизации управления это задача не из легких. С пользой для столь отдаленных областей и их населения трудно управлять ими из далекого Петербурга. Уже опыт японской войны заставил нас почувствовать всю опасность оторванности слишком далеких окраин от центра. Для того, чтобы силы государства могли быть мобилизованы в нужный момент на любой его окраине, необходимо, чтобы окраины были органически связаны с центром непрерывной заселенной территории; там же, где эта связь прерывается, где приходится перебрасывать армии через незаселенные пустыни, не имея вблизи ни арсеналов, ни заводов, ни продовольственных запасов, борьба со сколько-нибудь сильным соседом становится чрезвычайно трудной, почти невозможной. Вот почему раньше, чем присоединить Манчжурию, Монголию и Кульджу, Россия по чисто практическим соображениям должна предварительно по возможности густо заселить Сибирь и развить ее промышленность и торговлю, а раньше, чем захватить Азербейджанскую провинцию северной Персии, — умиротворить и культивировать в русско-государственном смысле Кавказ и Закавказье.

Упорядочение внутренней жизни, колонизация пустынных окраин и упрочение русской культуры в инородческих областях потребуют напряженной работы многих лет и даже десятилетий. Пока она не будет закончена, новые земельные приобретения будут не на пользу, а во вред государству. Что бы там ни говорили подозрительные иностранцы, но реальные интересы России не могут побуждать ее к захвату чужих земель. Напротив, они заставляют нас искренно желать восстановления тишины и порядка во владениях наших ближайших соседей. Поскольку Россия не желает присоединить север Персии, постольку ее интересы ограничиваются лишь безпрепятственным ростом торгового сбыта, и потому заставляют нас не раздувать персидскую смуту, а пещись об ее успокоении. В Монголии наши реальные интересы заключаются в том, чтобы между Китаем и Россией выросло нейтральное государство, и, следовательно, заставляют нас стремиться не к поглощению, а к независимости Монголии. Так как эта задача уже решена помимо нас, то нам остается только поддерживать создавшееся положение. К провозглашению отделения от Китая монголов побудил главным образом старый спор против введения в Монголию китайских гарнизонов, против насаждения китайской администрации и против заселения монгольскими землями китайскими переселенцами. Независимая Монголия, успешно отстаивая свои требования, послужит естественной преградой для идущей на нас китайской волны, даст неограниченную свободу нашей торговле и усилит сбыт продуктов нашей промышленности. Россия может удовлетвориться этими выгодами, а что больше того, то уже от лукавого. Пока нам ничего, кроме мирных отношений, не нужно, будущая же судьба всех сравнительно слабых стран и народов Востока предопределяется их естественным тяготением к более культурно-сильному соседу. Но опережать естественный ход событий часто значит портить свое собственное дело.

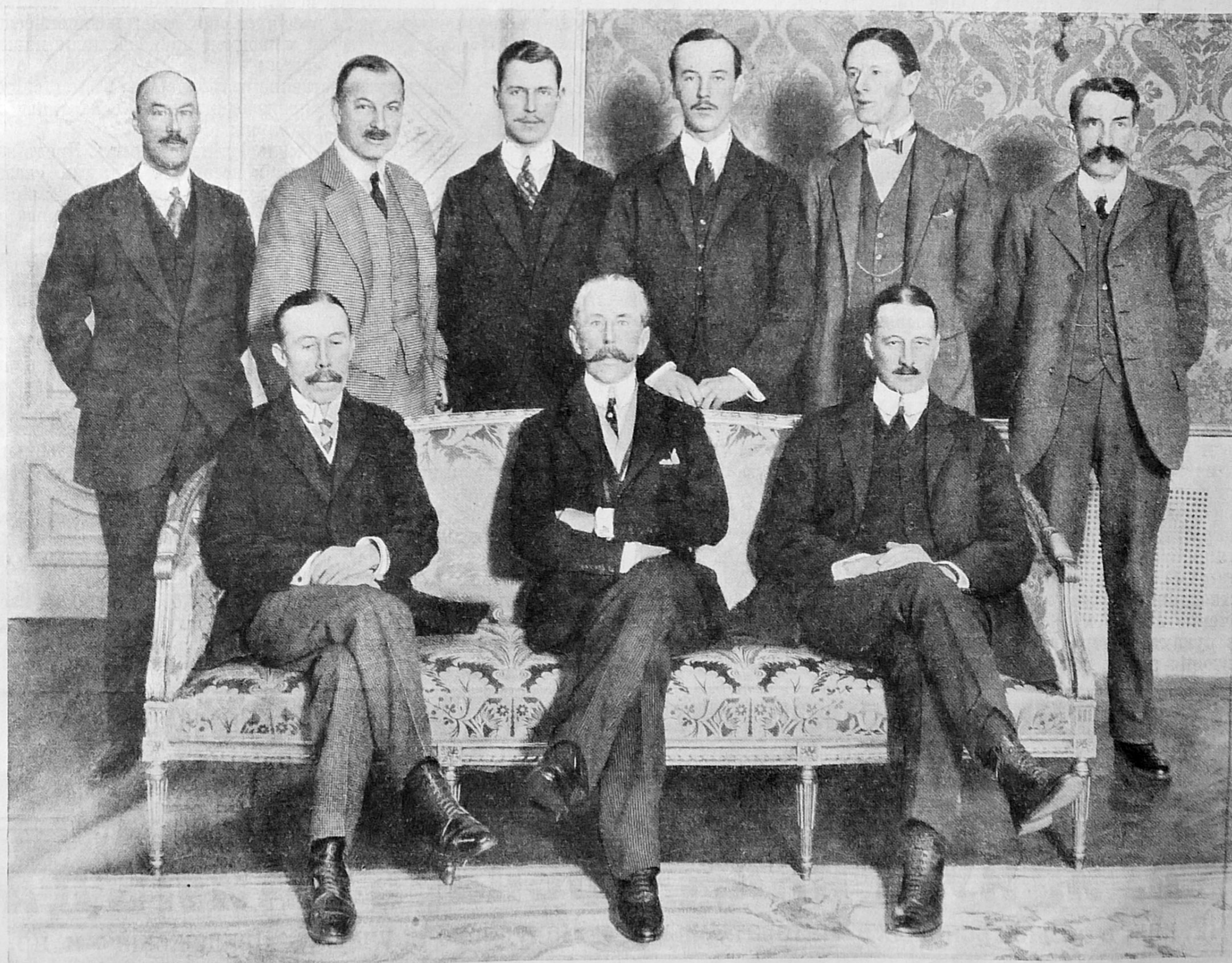
К англо-русским торжествам.

(С 2 рис. на стр. 59).

В Татьянин день Петербург празднует большое политическое торжество: приезд английской парламентской делегации. В лицах своих избранников и представителей Англия шлет горячей привет России, а Россия в лицах дорогих гостей чувствует их великую родину — Англию. Приходится отметить, как совершенно новый факт сравнительно очень недавнего времени, что с введением народного представительства в общении между народами постепенно стали принимать большое участие и сами народы. Разумеется, они и раньше участвовали в международной жизни, но скорее пассивно, чем активно, теперь же это участие их становится более самостоятельным и действительным. Растущее видение народа в политику неизбежно отражается на всем ее характере и направлении. Теперь уже немислимы явления, подобные священной Лиге. Политика из личной и ди-

1) Челноковъ, 2) Ермоловъ, 3) Лерхе, 4) Нобель, 5) Бывшій предсѣдатель Гос. Думы Хомяковъ, 6) Тимирязевъ, 7) Ефремовъ, 8) Шубинъ-Поздѣвъ, 9) Прозоровъ.
Комитетъ, учрежденный для приема англійской парламентской депутаціи. По фот. К. Булла.

Посланникъ сэръ Джоржъ Бьюкененъ.
Англійское посольство въ Петербургѣ. По фот. І. Оцуца.

Англо-руссія торжества. Къ пріѣзду англійской парламентской депутаціи въ Россію.

настической сдѣлалась національной. Если раньше по волѣ темныхъ стихій честолюбіе Наполеона, мистицизмъ Александра I, капризы правителей и даже интриги временщиковъ могли толкать народы на кровавый бой, то теперь руководство политики національными интересами исключаетъ возможность военныхъ столкновений по такимъ ничтожнымъ поводамъ и дѣлаетъ войны допустимыми только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Подъ вліяніемъ этого внутренняго сдвига въ самомъ механизмѣ внѣшней политики постепенно ликвидируются наслѣдіе темной старины и завѣты застарѣлой вражды. Вчерашніе враги, неоднократно ходившіе другъ на друга съ мечомъ и огнемъ, становятся вѣрными друзьями. Не мало воевали на своемъ вѣку русскіе съ французами; визитъ Наполеона въ Москву былъ отплатенъ торжественнымъ въездомъ Александра I въ Парижъ, но ни Аустерлицъ, ни Бородино, ни Березина, ни Малаховъ курганъ въ прошломъ не помѣшали прочному дружественному соглашенію между Россіей и Франціей въ настоящемъ. Вѣщій инстинктъ національно-политическаго самосохраненія заставилъ борцовъ Бородина забыть прошлую вражду и во взаимной поддержкѣ искать опоры своего государственнаго бытія отъ общей опасности. Онъ побудилъ Александра II мобилизаціей двухсоттысячной арміи на германской границѣ остановить Германію отъ вторичнаго вторженія въ еще неокрѣпшую отъ пораженія Францію. Политическая рознь между русской Монархіей и Французской республикой помѣшала либеральному и гуманному Государю заключить формальный союзъ съ спасеннымъ имъ государствомъ, но почва для такого союза уже и тогда была вполне подготовлена, уже при Его Преемникѣ были шумно отпразднованы и памятные кронштадтскія братанія и феерическія парижскія торжества. Бурные звуки революціонной марсельезы гармонически слились съ величаво-торжественнымъ русскимъ народнымъ гимномъ, и, заключая договоръ о союзѣ, дипломатія только оформила то, что было написано въ сердцахъ обоихъ народовъ.

Почти такое же положеніе переживаемъ мы и въ настоящій моментъ. Пріѣздъ англійскихъ депутатовъ несомнѣнно знаменуетъ собою дальнѣйшій ростъ и упроченіе англо-русскаго сближенія, умираетъ старая вражда, и рождается новая дружба. Прежде всего мы и англичане сравнительно еще мало знаемъ другъ друга, и для того, чтобы лучше оцѣнить одинъ другого, намъ слѣдуетъ больше устраивать такихъ встрѣчъ, ближе ознакомиться съ внутреннею жизнью другъ друга. По счастливой случайности, первое посѣщеніе англичанъ какъ разъ совпало съ самымъ свѣтлымъ и радостнымъ моментомъ во внутреннемъ развитіи самой Англій. Именно въ теченіе послѣдняго года она пережила своего рода великую революцію, не уступающую по своему значенію французской революціи 1789 г. Благодаря смѣлымъ реформамъ Ллойдъ-Джорджа и Асквита, Великобританія на нашихъ глазахъ изъ олигархическаго государства переродилась въ государство демократическое. Тактично поведенная на почвѣ социальныхъ реформъ борьба съ политическими привилегіями крупнаго землевладѣнія окончилась полной побѣдой палаты общинъ надъ палатой лордовъ. Въ то время, какъ и во Французской и въ С. Американской республикахъ при несравненно большемъ демократическомъ избирательномъ правѣ демократія выродилась въ неограниченную плутократію, въ замаскированную диктатуру феодаловъ капитала, — монархическая Англія, заботливо выростившая свои конституціонныя учрежденія изъ скромныхъ ячеекъ мѣстнаго общиннаго самоуправления, ни на минуту не разрывая съ національно-бытовыми началами, — пошла какъ разъ противоположнымъ путемъ и на дѣлѣ доказала, что демократическія учрежденія могутъ служить не владычеству имущественныхъ классовъ, а торжеству интересовъ и правъ трудового народа.

Реформы, связанныя съ именемъ великаго вождя англійской демократіи, Ллойд-Джорджа, переложили налоговое бремя съ трудящихся классовъ на имущественные. Тотъ самый парламентъ, который 300 лѣтъ назадъ вотировалъ Мертонскій статутъ, способствовавшій захвату общинныхъ земель лэндлордами и сосредоточенію всей земельной собственности страны въ очень немногихъ рукахъ, теперь вотировалъ финансовый билль, обложившій пустующія земли почти запретительнымъ налогомъ, и вынудилъ

владѣльцевъ или застраивать свои пустыри, что ведетъ къ пониженію жилищной платы, или продавать ихъ другимъ. Страна, поклоняющаяся культу частной собственности, ограничила въ арендномъ Ирландскомъ биллѣ право землевладѣльца распоряжаться своимъ владѣніемъ, ввела институтъ принудительныхъ арендъ, нормы обязательныхъ цѣнъ и сроковъ аренднаго договора и фактически пришла къ принципу отчужденія мелкихъ участковъ въ пользу земледѣльцевъ. Законъ о страхованіи рабочихъ на старость обезпечиваетъ каждому престарѣлому рабочему полученіе государственной пенсіи. Консервативная Англія можетъ по праву называть себя самой передовой въ области социальнаго законодательства страной, въ которой рабочая старость не безпомощна, а дѣтство и юность не беззащитны, какъ въ другихъ христіанскихъ странахъ. Еще поучительнѣе, что социальныя реформы, вопреки мрачнымъ предсказаніямъ консерваторовъ, не разрушили англійскій государственный строй, но сдѣлали его еще болѣе крѣпкимъ и устойчивымъ, что онъ не подорвали ни національной торговли, ни промышленности, но, напротивъ, обезпечили ей небывалый расцвѣтъ, засвидѣтельствованный необычайно счастливымъ балансомъ истекшаго года. И немудрено: вѣдь трудъ, гарантированный въ своихъ правахъ, становится еще болѣе производительнымъ. Торговля и промышленность развиваются подъ охраной прочнаго государственнаго порядка. Государственный порядокъ становится устойчивымъ и дѣйствительно незыблемымъ при условіи довольства массъ, когда государство не связываетъ своихъ интересовъ съ интересами численно ничтожныхъ общественныхъ группъ, не смотритъ на миллионы трудящихся гражданъ, какъ на внутреннихъ враговъ, но, напротивъ, дѣятельно служитъ народному благу и въ самомъ населеніи находитъ своего наиболѣе преданнаго защитника отъ всякихъ посягательствъ внутри и извнѣ. Думается, что Россію съ Англією сближаютъ не только общіе международные интересы, но также и духовная солидарность государственнаго идеализма, живущая въ душахъ обоихъ народовъ. Памятующая свои реформы 1864 года Россія отъ души привѣтствуетъ представителей обновленной Англій.

Къ рисункамъ.

Русскій отдѣлъ на недавней всемирной художественной выставкѣ въ Римѣ обращалъ на себя всеобщее вниманіе: появившіеся въ этомъ отдѣлѣ образцы русской живописи принадлежали нашимъ извѣстнымъ художникамъ и давали вѣрное представленіе о нашемъ національномъ художественномъ творчествѣ. Въ настоящемъ № нашего журнала мы воспроизводимъ четыре картины изъ числа бывшихъ на римской выставкѣ:

„Шалуны“ Н. Пимоненко — милый дѣтскій жанръ. Предъ нами два шалуна — маленькая дѣвочка и котенокъ. И трудно сказать, который изъ шалуновъ веселѣе, милѣе и забавнѣе. Такіе же шалуны, но уже остепенившіеся и немного сконфуженные отъ близости къ своему начальству, пьютъ чай на именинахъ своей учительницы (картина Н. Богданова-Бѣльскаго). Пьютъ усердно, съ чувствомъ и толкомъ и долго потомъ будутъ вспоминать это именованное торжество съ яблоками, вареньемъ и сдобными банками...

„Семья“ покойнаго художника С. Иванова — настоящій образъ древне-русскаго „Домостроя“: сколько тупого самодурства и робкой приниженности сквозитъ въ этомъ своеобразномъ шестивъ зажиточной семьи по городскимъ улицамъ. Чванный старикъ — глава семьи, съ такой же чванной и злой супругой и дочкой на выданьѣ шествуютъ впереди. А за ними младшіе члены семьи со своими супругами и дѣтками по старшинству и рангу... И кажется, что это шествіе изъ „темнаго царства“ проходитъ по всей Руси изъ конца въ конецъ, изъ вѣка въ вѣкъ къ новымъ временамъ и понятіямъ и къ проникновеннымъ взорамъ Островскаго и Добролюбова, которые такъ безпощадно осмѣяли и осудили укладъ старой семьи и все ея бывшее „темное царство“.

Портретъ талантливаго критика К. И. Чуковского работы маститаго художника И. Е. Рѣпина также фигурировалъ въ числѣ экспонативъ римской выставки. Этотъ портретъ — одно изъ лучшихъ произведеній И. Е. Рѣпина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1912 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО,

А. И. КУПРИНА,

А. А. ФЕТА,

Оскара УАЙЛЬДА.

12 книгъ „Ежемесячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Золотая паутина. Повѣсть В. А. Тихонова. — Энцианъ. Горная мечта Г. Т. Сѣверцева-Полилова. — Искусство догмата и условности (Древній Египетъ). Очеркъ А. М. Нагаевой. — С. Я. Надсонъ. — Отдѣленіе Монголіи (Политическое обозрѣніе). — Къ англо-русскимъ торжествамъ. — РИСУНКИ: Шалуны. — Именины учительницы. — Семья. — Портретъ критика К. И. Чуковского. — Искусство догмата и условности. — С. Я. Надсонъ. — Къ англо-русскимъ торжествамъ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Помяловскаго“ кн. I.

Редакторъ-Изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Только подлинно съ этою фабр. маркою

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“

медо-травяной-мальць-экстрактъ и конфеты

Л. Г. ПИТШЪ и КО

въ Бреславль.

Употребляется ПРОТИВЪ КАШЛЯ, МОКРОТЫ, ОХРИЛОСТИ, СТРАДАНИЙ ГОРЛА и ГРУДИ.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфеты 30 и 50 к. Упаковка и пересылка считается особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у „Т-ва С.-Петерб. ТЕХНО-химич. лабораторія“, Лиговская, 123. Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 35453 14-8

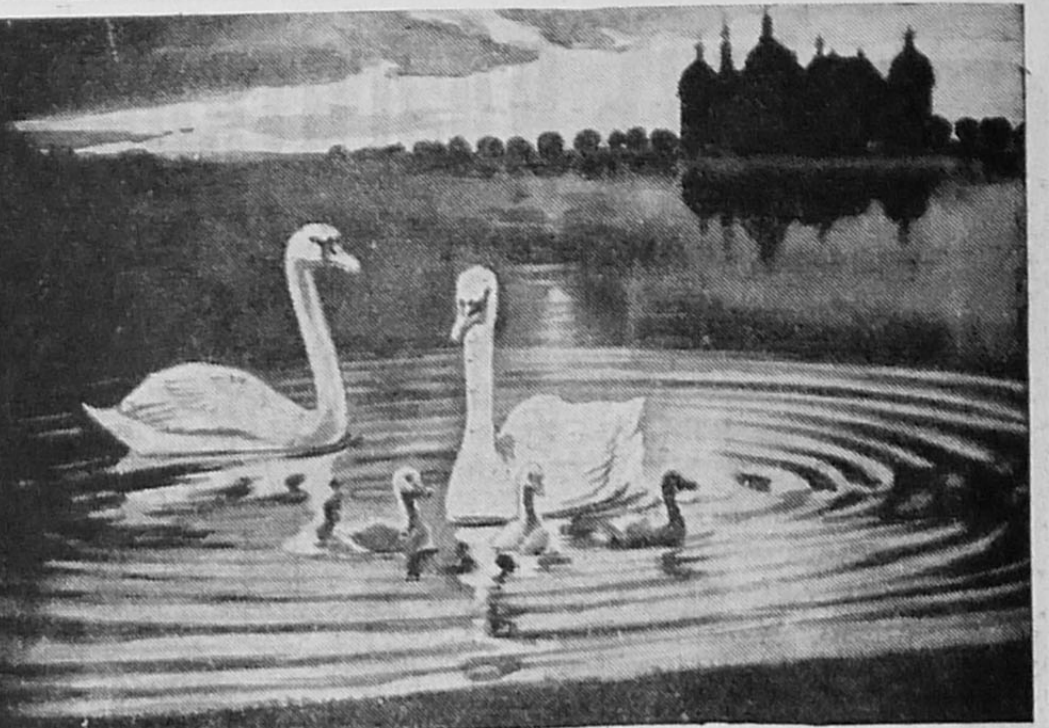
МЫЛО „КОНЕКЪ“

изъ молока лилии

Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ. Придастъ румяный, юношески-свѣжій видъ, чистую, бѣлую, мягкую, какъ бархатъ, кожу и нѣжный, ослѣпительно прекрасный цвѣтъ.

По 50 коп. за кусокъ можно получать вездѣ. Требуйте только красную упаковку.

Главный складъ для Россійской Имперіи: Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ Малая Конюшенная № 10.

10 РУБЛЕЙ ЕЖЕДНЕВНО

Легкій заработокъ лицамъ обоего пола. Пришлите Вашъ адресъ. Общество „Меркурій“, Лодзь, отд. 9.

КРУПНѢЙШЕЕ

ФИРМОВЫЙ ЗНАКЪ

Утвержденъ Министерствомъ Торговли и Промышленности.

въ Россіи Ателье А. М. Х.-Дроздова въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., 67, предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ. 36161

ВСѢ ПОРТРЕТЫ ИЗГОТОВЛЯЮТСЯ СОБСТВЕННЫМИ ХУДОЖНИКАМИ.

Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту и роскошной рамѣ, исполненный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; акварелью 10×12 вер.—4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали брошь или булавку для галстука. Заказы съ оригиналами высылаются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. За многолѣтнюю и добросовѣстную дѣятельность въ Ателье имѣются десятки тысячъ благодарственныхъ писемъ и лестныхъ отзывовъ. Адресовать только въ

ГЛАВНУЮ КОНТОРУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО АТЕЛЬЕ А. М. Х.-ДРОЗДОВА, НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, 67—7, С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г.

Я БЫЛЪ ЛЫСЫМЪ!

МОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ РОЩЕНІЯ ВОЛОСЪ

лучшее изъ всѣхъ; оно дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ.

Въ доказательство своихъ словъ я вышлю каждому и каждой недозвольнымъ ростомъ своихъ волосъ по полученіи семи семи коп. марокъ на пересылку большую

ПРОБНУЮ БАНКУ

**1 КУС. ГОЛОВ. МЫЛА
1 ПОРОШОКЪ ДЛЯ ОЧИЩ. ГОЛОВН. КОЖИ
И ВСѢ НАСТАВЛЕНІЯ**

Эти снимки показываютъ, какъ недостатокъ волосъ измѣняетъ наружность, возрастъ и т. д. Мужчины и женщины, которые пренебрегаютъ уходомъ за своими волосами, прежде времени кажутся старыми. Тысячи русской публики выразили свое полнѣйшее удовлетвореніе благотворнымъ и чудесн. дѣйствіемъ произведеннымъ на ростъ ихъ волосъ моимъ средствомъ для рощенія волосъ.

ТРЕБУЙТЕ ПРОБУ СЕГОДНЯ
ДЖОНЪ КРАВЕНЪ БЕРЛЕЙ
СПБ., Невскій, 13 деп.-

49 к.

СТРОЛИНЪ „РОШЪ“

Наилучшее средство при всѣхъ заболѣваніяхъ дыхательныхъ органовъ, особенно при кашлѣ, коклюшѣ, астмѣ и послѣ воспаленія легкихъ.

Продается въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 86160

25-й юбилейный годъ.

Основан. въ 1886 году, разрѣшенныя Начальствомъ

25-й юбилейный годъ.

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.

Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова.

10-го ЯНВАРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗ., ВИННОЙ МОНОПОЛИИ, ГОРОДСКИХЪ и ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ, ИСПРАВЛ. ПОЧЕРКА.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 439 чел., всего же за 24 года—свыше 7,000 чел.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

НАСТОЯЩІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ.

Такъ благотворно, какъ Санатогенъ Бауэра,

не дѣйствуетъ никакое средство въ тѣхъ случаяхъ, когда изнуряющій трудъ, заботы и нравственныя волненія истощаютъ нервы, или же когда болѣзни расслабляютъ организмъ. А потому Санатогенъ Бауэра сталъ постепенно „домашнимъ средствомъ“, т. е. въ каждой семьѣ, у насъ и за границей, препаратъ этотъ применяется всегда и систематически, когда кто-нибудь страдаетъ недостаткомъ аппетита, плохимъ пищевареніемъ, малокровіемъ, блѣдной немочью, головной болью, бессонницей, нервными болями и отсутствіемъ энергіи. Санатогенъ Бауэра устраняетъ всѣ эти проявленія.

ясненіями врачей высылаютъ бесплатно Генеральное Представительство Санатогена Бауэра, Варшава, Маршалковская, 129.

Санатогенъ Бауэра продается во всѣхъ аптекахъ или аптекарскихъ магазинахъ въ упаковкѣ по 50, 100 и 250 гр. При покупкѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „Бауэръ“ и на красную бандероль, которой снабжена каждая коробка настоящаго Санатогена Бауэра въ виду того, что существуютъ фальсификаты, а нѣтъ средства,

могущаго его замѣнить.

Важно то обстоятельство, что примѣненіе этого препарата весьма простое и не требуетъ перерыва обычныхъ занятій. Легкій специфическій вкусъ, свойственный Санатогену Бауэра, можно легко замаскировать, благодаря тому обстоятельству, что продуктъ этотъ можно примѣшивать ко всѣмъ блюдамъ и напиткамъ.

Подробный способъ употреб. прилож. къ каждой коробкѣ.

Дѣйствіе Санатогена Бауэра подтверждено не только отзывами свыше 15000 врачей, но также десятками тысячъ писемъ, поступившихъ отъ лицъ, которыя лично принимали Санатогенъ Бауэра.

Собраніе такихъ одобреній вмѣстѣ съ подробными объ-

Kyffhäuser Technikum Frankenhäuser (Германія). Электр., машиностр., желѣзостр., архитект. I Политехнической 36150 Институтъ сельско-хоз. машинъ. 17-2

Больш. машин. лаборат.

1, 2 и 3 Гое. Дума и П. А. Столыпинъ. Новѣйшая книга, ц. 70 к., съ пер. 90 к. СИБ., 3-я Рота, д. 4. Красильниковъ.

ПРОТИВЪ ОЖИРѢНІЯ

МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ
ПО РЕЦЕПТУ МЕДИЦИНЫ
ПРОФЕССОРА ДОКТОРА
РИТТЕРА ФОНЪ-БАШЪ

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ

МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ

ГОСПОДСТВУЮТЬ ВЪ МІРѢ

ПРИ ПОКУПКѢ ПРОСИТЬ ОБРАЩАТЬ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ НА ИМЯ БАША

МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ ПРЕВОСХОДЯТЪ ЦѢЛЕСООБРАЗНОЮ ДОЗИРОВКОЮ ВСѢ РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ДЛЯ ПОДОБНЫХЪ ЦѢЛЕЙ ПРЕПАРАТЫ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
З. ТРОНА
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
ГОМНАРНАЯ 13.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ ЖОВОСТЬ!

Небывало въ Россіи!!!

стѣнные часы съ барометромъ и термометромъ вмѣсто 23 рублей,

☼ только за 5 руб. 75 к. ☼

Такие же часы высшаго сорта съ механизмомъ самаго лучшаго качества 36176

цѣна 6 руб. 75 коп.

Прелестные и прочн. стѣнные часы съ термометромъ, правильно опредѣляющимъ высоту температуры, и барометромъ, предсказывающимъ на 24 часа впередъ, какая будетъ погода. Часы съ анкернымъ механизмомъ, заводъ развѣ въ 40 час. съ фантазійн. циферблатомъ. Корпусъ часовъ изъ дубов. дер. весьма элегант. въ стилѣ

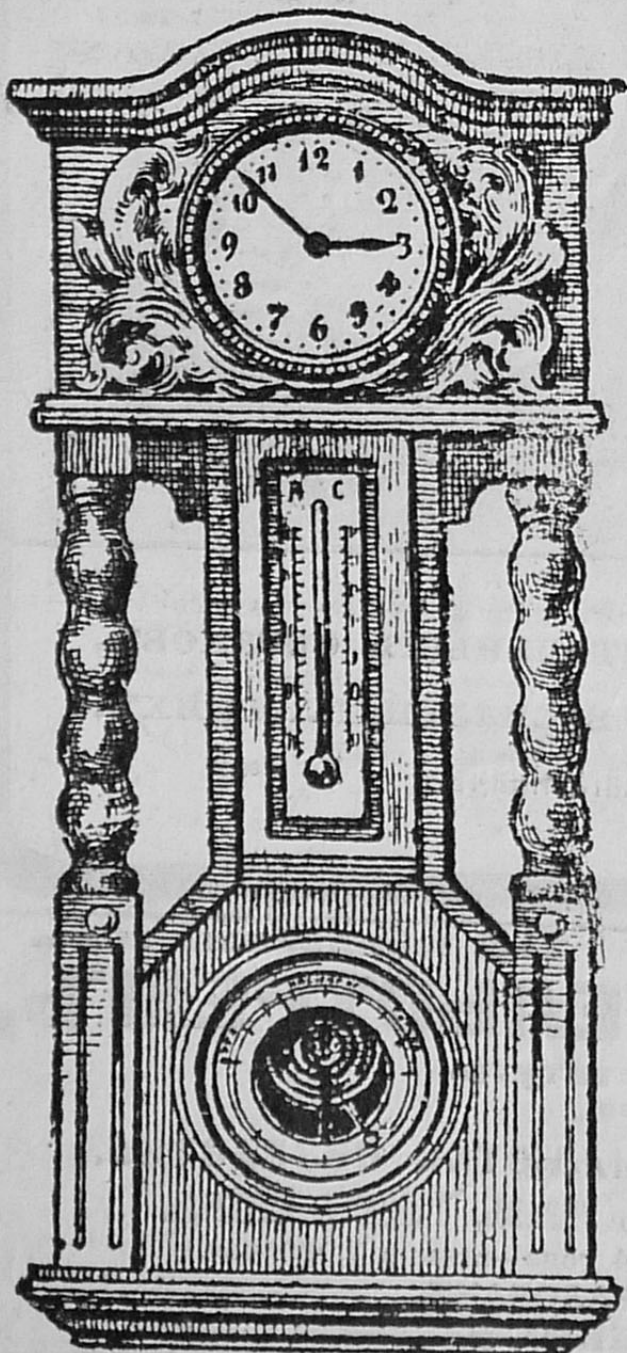
„Модернъ“

новѣйшаго фасона заграничн. работы. Часы отличаются своимъ вѣрн. ход. и служатъ изысканнымъ украш. стѣны. Большое значен. метеорологіи въ жизни человѣка извѣстно всѣмъ, и поэтому, пользуясь громадными услуг. нашихъ стѣнныхъ часовъ съ термометромъ и барометромъ, каждый вышисывающій будетъ всегда благодаренъ.

☼ Цѣна 5 р. 75 к. ☼

высылаются вывѣренные до минуты съ ручательствомъ на 6 лѣтъ палож. платеж. Пересылка 60 к. (въ Сибирь 1 р. 20 к.).

Адр.: „АККУРАТНОСТЬ“
Варшава, Св.-Креста, 30, отд. 56.

Г. РЕСТРЕПО.

Подписаль: А. Рестрепо, судья въ Лимѣ (Перу, Южная Америка).

Дентоль (эликсиръ, паста и порошокъ) есть средство для ухода за зубами въ высшей степени обеззараживающее и одновременно снабженное чрезвычайно пріятнымъ запахомъ и вкусомъ.

Будучи изготовленъ по способу, рекомендованному Пастеромъ, онъ уничтожаетъ во рту всѣ злокачественныя микробы, предупреждаетъ и самымъ дѣйствительнымъ образомъ излѣчиваетъ порчу зубовъ, воспаленіе десенъ и горловыя боли; въ нѣсколько дней онъ придаетъ зубамъ ослѣпительный блескъ и бѣлизну и уничтожаетъ зубной камень.

Послѣ его употребленія во рту надолго сохраняется ощущеніе пріятнѣйшей свѣжести. Его обеззараживающее отъ микробовъ дѣйствіе удерживается во рту **не менѣе 24 часовъ.**

Дентоль, положенный въ зубъ на кусочкѣ ваты, моментально останавливаетъ самую сильнѣйшія зубныя боли.

Дентоль находится въ продажѣ во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ: Торговый Домъ Фреръ, 19, улица Жакобъ, Парижъ.

Депю въ С.-Петербурѣ: Аптек. складъ В. Бюлеръ, Кузнечный пер., 1—2. Штоль и Шмидтъ. Рус. Общ. Торг. Аптекар. товар., Казанская, 12. Центр. Аптек. депю Б. Шаскольскаго, Невскій, 27. Аптек. складъ А. И. Абрамсовъ, Невскій, 101. Торг. домъ Чекушкинъ и Ко, Садовая, 38. Е. Пузынь, аптек. маг. Петербургское Общество склада аптек. тов., Екатеринбург. просп., 47. Г. Пузынь, аптек. депю, Литейный пр., 21.

ЛѢЧЕНІЕ РЕВМАТИЗМА.

Всякій, кто говорит о ревматизмѣ, можетъ быть зараженъ увѣренъ, что у него будетъ аудитория и что онъ ее заинтересуетъ. Это—тема, никогда и нигдѣ не торящая своего всеобщаго интереса.

Кто, въ самомъ дѣлѣ, безъ различія пола, возраста и образа жизни, не имѣлъ болѣе или менѣе сильнаго ревматическаго припада? Если отнести къ этому слову, какъ того требуетъ этиологія, всѣ многочисленныя и разнообразныя проявленія ревматическаго діатеза—подагру, песокъ, желчнокаменную болѣзнь, хроническую мигрень, „боли“ вообще, артеріосклерозъ, нѣкоторыя кожныя болѣзни и болѣзни волосъ, нѣкоторыя пораженія глазъ,—то придется сказать, что вопросъ касается, прямо или косвенно, трехъ четвертей человѣческаго рода.

Это позволяетъ мнѣ снова затронуть предметъ, который не можетъ еще быть здѣсь исчерпанъ, и сообщить ревматикамъ, что терапія можетъ предоставить въ ихъ распоряженіе специфическое средство, безусловно превосходящее все, что до сихъ поръ применялось, славилось и даже вызывало восхищеніе.

Это средство, которое уже стало популярнымъ наравнѣ съ антипириномъ и іодистымъ калиемъ, есть Уродональ Chatelain (Шателена).

Уродональ не только удостоился чести быть представленнымъ въ Медицинскую Академію (10-го ноября 1908 г.) и въ Академію Наукъ (14-го декабря 1908 г.) профессорами медицинскаго факультета, но уже съ триумфомъ вошелъ въ повседневную практику, гдѣ онъ быстро заслужилъ благословеніе больныхъ и похвалы врачей.

Если бы мнѣ пришлось воспроизвести здѣсь всѣ многочисленныя аттестации практикантовъ, которые, испытавъ Уродональ Шателена, считали своимъ долгомъ воздать честь этому средству, на это ушла бы, по крайней мѣрѣ, половина этого журнала. Поэтому я ограничусь резюмированіемъ послѣдняго изъ этихъ документовъ, только-что появившагося въ „Journal des Praticiens“ за подписью одного опытнаго интерна.

„Мы испробовали за послѣдніе мѣсяцы,—пишетъ авторъ:—новое средство Уродональ Chatelain (Шателена), дающее поистинѣ замѣчательные результаты. Мы ни разу не прибѣгали къ нему напрасно и каждый разъ получали излѣченіе нашихъ больныхъ. У артритиковъ, принимавшихъ Уродональ по нашему совѣту каждый мѣсяць, ежедневно въ теченіе 10-ти дней, въ дозѣ 3—4 кофейныхъ ложки въ день, не было болѣе приступовъ: ревматизма у однихъ, коліки у другихъ, мигрени у третьихъ. Этотъ периодическій мочевою дренажъ ставитъ, такимъ образомъ, больныхъ въ благопріятное положеніе по отношенію къ рецидивамъ. Такой результатъ является крайне интереснымъ, дающимъ въ руки врача очень серьезное оружіе“.

Кромѣ того, авторъ приводитъ нѣсколько убѣдительныхъ наблюденій, которыя я не могу цитировать здѣсь:

К... отставной генералъ, 60-ти лѣтъ, каждый годъ страдаетъ приступами подагры. Послѣдній очень сильный приступъ былъ излеченъ вышеописаннымъ способомъ большими дозами Уродонала Шателена. Теперь больной не имѣетъ больше никакихъ приступовъ и приписываетъ этотъ пріятный сюрпризъ тому, что ежемѣсячно принимаетъ Уродональ Шателена.

М-мъ В... тридцати семи лѣтъ, страдаетъ съ шестидлительнаго возраста сѣзаличной

невралгіей, не поддававшейся никакому лѣченію. Уродональ оказалъ дѣйствіе въ три недѣли. Вотъ уже 6 мѣсяцевъ пациентка не чувствуетъ никакой боли.

Д..., 29-ти л., парикмахерской подмастерье, болѣлъ острымъ ревматизмомъ и, несмотря на анкилозироваанные и болѣзненные суставы, вполнѣ излѣчился въ 9 дней Уродоналомъ Шателена.

На самомъ дѣлѣ, его благотѣльное дѣйствіе не заключаетъ въ себѣ ничего чудеснаго и легко объясняется, если принять во вниманіе:

1) что артритизмъ во всѣхъ своихъ формахъ совпадаетъ съ урицеміей въ томъ смыслѣ, что при немъ всегда имѣется увеличеніе кровяного лда, называемаго мочевою кислотой;

2) что Уродональ Шателена, по своему химическому составу (лизидинъ, хинная соль пиперазина, сидональ, уротропинъ) долженъ быть наиболее энергичнымъ растворителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивающимъ образованіе мочевою кислоты, въ 35 разъ болѣе сильнымъ, чѣмъ соли литія.

Это изложеніе было бы неподымъ, если бы я не упомянулъ, что Уродональ, кромѣ того, лишаетъ всякаго вреднаго дѣйствія на сердце, мозгъ, артеріи, почки и желудокъ.

„Анализы мочи,—читаемъ мы въ „Journal des Praticiens“,—которые мы предѣлали при многихъ приступахъ, съ другой стороны, убѣдили насъ, что Уродональ Шателена вызываетъ настоящій потокъ мочевою кислоты. Это весьма важно. Недостаточно растворитъ мочевою кислоту, нужно также способствовать ея выдѣленію“.

Это убѣдительное заявленіе получено нами отъ всѣхъ практикантовъ, употребившихъ это средство (д-ръ Solo-Lebovici, д-ръ Bourelle, д-ръ Joubert, проф. Maturi и др.). Всѣ признаютъ поразительное дѣйствіе Уродонала Шателена, который поистинѣ является для ревматизма „тѣмъ, чѣмъ является хининъ для болотной лихорадки“. Изъ ихъ работъ видно, что полный курсъ лѣченія Уродоналомъ Шателена (3 флакона) окончательно освобождаетъ наиболее нагруженный организмъ отъ мочевою кислоты и избавляетъ совершенно отъ рецидивовъ.

Терапія, такимъ образомъ, обогатилась средствомъ высшаго порядка, очень дѣйствительнымъ, совершенно безопаснымъ и обладающимъ постояннымъ и надежнымъ дѣйствіемъ, какъ это и говоритъ сенсационное сообщеніе въ Парижской Медицинской Академіи о „лѣченіи урицеміи Уродоналомъ Шателена“.

Этимъ объясняется, что жюри франко-англійской выставки присудило золотую медаль Уродоналу Шателена, а выставки въ Нанси и Кито — двѣ главныя награды, что иностранныя правительства разрѣшили ввозъ этого средства, равно дѣннаго въ ихъ странахъ, и что Морской Министръ допустилъ Уродональ, послѣ отзыва высшаго санитарнаго совѣта и заключительныхъ опытовъ, въ морскіе госпитали.

Еще одна болѣзнь исчезаетъ.

Д-ръ ДОРІАНЪ.

Уродональ Шателена продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Выдающийся успѣхъ Уродонала Шателена вызвалъ многочисленныя подражанія, не имѣющія цѣнности.

ТРЕБУЙТЕ УРОДОНАЛЬ ШАТЕЛЕНА.

Много денегъ зарабатывать мож. всякій всюду и вездѣ, научившись выдѣл. мыло и лампадное масло въ какихъ угодно пропорц. безъ обзаведенія и устройства только по моему руководству и рецептамъ. Товаръ обход. на 50% дешевле. Выст. нагр. и мед. на рус. и иностр. выставк. Треб. также агенты для продажи мыла и масла моего завода. Подр. иллюстриров. просп. высылаю за 1 семикоп. марку. Адр.: Одесса, № 49, мыловаренный заводъ Х. Когона.

А. П. ИВАЩЕНЦОВЪ.
Бой и служба дробового ружья. Изданіе иллюстр., 228 стр.—листъ таблицъ ц. 1 р. 60 к. Н. Н. Фокинъ. Охота и охотники. 286 стр.—60 к. Н. Н. Фокинъ. Замѣтки охотника. 256 стр.—2 р. Н. Н. Фокинъ. Черкны и рассказы. Изданіе иллюстриров. изд.—1 р. 25 к. Налож. платеж. на 20 к. дорожк. Выписывающіе изъ ред. журнала „НАША ОХОТА“ СПБ., Лѣсной, Староарголовскій пр., 22. за перес. не платятъ. Можно марками.

Самое нѣжное и вѣрное слабительное средство
Продажа въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
это **ШОКОЛАДЪ**
„ДРАСТИНЬ-ЛЮБЕЛЬСКІЙ“
Пріятенъ на вкусъ и безусловно дѣйствуетъ
Коробка 50 коп.
Для дѣтей и взрослыхъ.
Лабор. Апт. Любельскаго, Варшава.

Высылаются за налож. плат. не менѣе 2 короб. за 1 р. 25 к. съ перес. Въ С.-Петербургѣ, главныя склады: Русское Общ. Торговли Аптек. тов. Штоль и Шмидтъ. 36122

Состоится подъ августѣйшимъ покровительствомъ государини императрицы **АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ**
ИМПЕРАТОРСКОГО ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАГО ОБЩЕСТВА
для сбора пожертвованій на ремесленное образованіе сѣдлныхъ дѣтей
ПРОСИТЬ всѣхъ жертвовать **НЕВУЖНЫЯ ВЕЩИ** обременяющія всякое **ХОЗЯЙСТВО**. Собираетъ только то, что никому не нужно.
Просить ничего не смѣгать и ничего не бросать въ мусорныя ямы, все будетъ принято съ благодарностью.
По каждому требованію присылать артельщика, который обязанъ жертвователю выдавать квитанцію, нѣтъ бы мало пожертвованіе не было.
Тарасовъ пер., 26-а.

Все для здоровья и красоты!
Красота лица, кожи, волосъ, ногтей, зубовъ и пр. 4-2 36039
Требуйте проспекты и подробности:
KALLOS 61 Rue Condorcet PARIS.

90 рублей въ мѣсяць
заработка для всѣхъ при удобной домашней работѣ. Работаніе по мѣсяцъ. Условія вѣн высылаемъ безплатно. (23)
Международное товарищество вязальныхъ издѣлій, Варшава, Новогородская, 9-12.

ЕЩЕ НЕБЫВАЛОЕ!
КАРАКУЛЕВАЯ ШАПКА ТОЛЬКО ЗА 2 руб. (2)
изъ искусств. высшаго сорта чернаго или т.-сѣраго каракуля на черной чисто шелковой атласной подкладкѣ. При заказѣ укаа. объемъ головы. Высл. наложен. плат. безъ задатка, за перес. и упак. въ ящикъ прісчит. 55 к., въ Сибирь 95 к. При заказѣ 3-хъ шапокъ перес. за нашъ счетъ. За неповр. возвр. деньги сполна. Адр.: г. Лодзь, Т-му Д-му Льва Рубашкина, Н.

ПАРФЮМЕРІЯ ЦВѢТЫ ВИШНИ PREMIÈRES CERISES
ТОВАРИЩ. „С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.“

ЛЮБИТЕЛЬ черныхъ ВЫСОКОКРОВНЫХЪ ПУДЕЛЕЙ
прод. щенять отъ преміер. золотыми нагр. производ. Родословн. предковъ. СПБ., Ивановская, 22, кв. 23. 36183

СПБ., Морская, 23.
А. СКРОНЪ.
36172 **КРАСКИ**
ДЕПО дерев. вещей и аппаратовъ для выжиганія, терракота, металл-пластикъ, тарсо, батикъ, и всѣхъ принадлежн. для художниковъ и для работы гвоздями.

LE RÊVE de GABILLA
пріятные и устойчивыя **ДУХИ**
въ изящномъ флаконѣ въ греческомъ стилѣ и въ ларчикѣ съ вышивками по образцу изъ музея Клонн **GABILLA**
25 В⁴ Poissonnière, Paris.

Единственный въ Россіи общедоступный судебный журналъ (IV годъ изданія)
„СУДЕБНАЯ ЛѢТОПИСЬ“
Выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ **одинъ** рубль.
Родакція: Москва, Сивцевъ Вражекъ, д. 20, кв. 12. 36086 2-2

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГЪ № 2
ЛУЧШИХЪ ВѢНСКИХЪ, РОЯЛЬНЫХЪ, САРАТОВСКИХЪ, ВЯТСКИХЪ, ХРОМАТИЧЕСКИХЪ И ДР. ГАРМОНИЙ „СЛАВА“
И. А. НОВИКОВА.
ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ
МОСКВА, Никольская, д. № 2.

3-2 36148 **150 рублей въ мѣсяць**
и больше зарабатывать можетъ каждый безъ машинъ и снарядовъ, безъ спеціальныхъ знаній и лишь въ свободное отъ обычныхъ занятій время.—Требуйте немедленно подробностей, которыя безплатно высылаемъ: **Товарищество С. Фялковскій и К^о въ Парижѣ, 23, рю де Ришелье. (Société S. Fialkovski et Cie, Paris, 23, rue de Richelieu).** Писать и адресовать можно по-русски.

Счетоводные Курсы
И. П. Бабенко.
С.-Петербургъ, Владимірскій, д. 7.
Безплатно высылаютъ брошюры, проспекты и каталоги книгъ по счетоводству, а также по всѣмъ отраслямъ коммерч. знаній и торговой практики.

КНИГА ЧУДЕСЪ И ТАЙНЪ.
Желаете ли вы обладать сверхъестественной силой? Знать удивительныя волшебныя свойства нѣкоторыхъ травъ и камней? Обладать талисманомъ любви? Знать магическія секреты любви? Узнать свою судьбу? Умѣть рагадывать сны? По линиямъ рукъ читать судьбу и вообще обладать великими тайнами астрологіи, оккультизма, хиромантіи и черной и бѣлой магіи. Не смѣшивъ съ обыкновен. книжк. фокусовъ, предлагаемъ подъ такимъ же названіемъ Цѣна съ перес. и налож. плат. только 1 р. 75 к. Съ заказ. обращат.: СПБургъ, 5-1 **РОДЖЕРСЪ**, Невскій, 60—3. 36185

1 руб. Доступно 1 руб.
въ годъ для всѣхъ. въ годъ.
Принимается подписка на еженедѣльную народную политическую газету **„РУССКАЯ ЗЕМЛЯ“**. Газета освѣдомляетъ о ВСѢХЪ СОБЫТІЯХЪ за вѣдѣлю.—Даетъ статьи общественнаго и политическаго характера.—Отдѣлы сельско-хозяйственный, торгово-промышленный.—Вѣстникъ для нижнихъ чиновъ полиціи и полицейской стражи. Въ видѣ бесплатной преміи будетъ дано **8 КНИЖЕКЪ**, посвященныхъ юбилею ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. 36183
Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Ермолаевскій пер., д. 13. За годъ—1 руб., за 1/2 года—50 коп.; 3 мѣс.—25 коп. Отдѣльный №—1 коп. Мелкія суммы можно присылать почт. марк. Над. прот. **И. Восторговъ**. Редакторъ **М. Д. Плетневъ**.

Нужны агенты. Прому подр. о собщ. 150% зараб. Ю. В. Кроненберг, Варшава, Холодная, 7.

Г-жа САРА БЕРНАРЪ, Парижъ, пишетъ:

Г-нъ Лейхнеръ, Я очень счастлива, что могу принести Вамъ благодарность за Ваши прекрасные фабрикации. Я никогда болѣе не буду употреблять другой театральной парфюмерии и только Вамъ буду посылать изъ Парижа свои заказы. Такая блестящая рекомендація указываетъ на большой успѣхъ пудры и гримировокъ Лейхнера.

Особенно рекомендуемъ: **ЖИРНУЮ ПУДРУ ЛЕЙХНЕРА.** Эта прекрасная пудра для лица для ежедневнаго употребленія, она незаменима на лицѣ и придаетъ ему интересную красоту, восхищающую весь миръ.

продается вездѣ. 35494 10-8

Главн. складъ для Россіи у Т-ва „С.-Петербургская ТЕХНО-Химическая Лабораторія“

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ въ РОССІИ еженедѣльный журналъ для юношества

„УЧЕНИКЪ“

3-й годъ изданія. ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

52 №№ журнала: бесѣды съ учениками о Божьемъ мирѣ, родинѣ, долгѣ и пр. увлекательные рассказы, повѣсти, путешествія, приключенія на сушѣ, на морѣ и въ воздухѣ, съ массой рисунковъ, фотографій и пр. Романы: Афганскій изумрудъ, необычн. приключенія гимназиста Васи Вьюгина въ Азіи. Соперницы, изъ инстит. жизни и др.

Въ ученической газетѣ „**НОВИЧЕКЪ**“, издаваемой Ваней Трощкинымъ, будутъ продолжаться веселый дневникъ Пети Пѣтушкова и ученическія произведенія, рисунки и фотографіи.

12 выпусковъ „**БИБЛИОТЕКА УЧЕНИКА**“ съ рассказами изъ ученической жизни, эпохи Отечественной войны, стихотвореніями и т. д.

12 вып. „**ЮНЫЙ РАЗВѢДЧИКЪ**“, съ новостями о бойскаутахъ и потѣшныхъ на всемъ земн. шарѣ, что долженъ знать развѣдчикъ? и пр.

6 вып. „**БИБЛИОТЕКИ УЧЕНИЦЫ**“, съ рассказами, стихот. для дѣвочекъ, бесѣдами, описаніями рукодѣлій и дом. хозяйства, переписка ученицъ русскихъ и иностранныхъ и пр.

12 художественно-исполненныхъ открытыхъ писемъ. **10** иностранныхъ почтовыхъ марокъ для коллекц.

ПЕРЕПИСКА читателей „Ученика“ съ иностранными юными развѣдчиками (бой-скаутами), обменъ открытками и марками.

КОНКУРСЫ съ цѣнными преміями за лучшіе рассказы, стихи, сказки, рисунки и пр. подписчиковъ. Главныя преміи: 36194

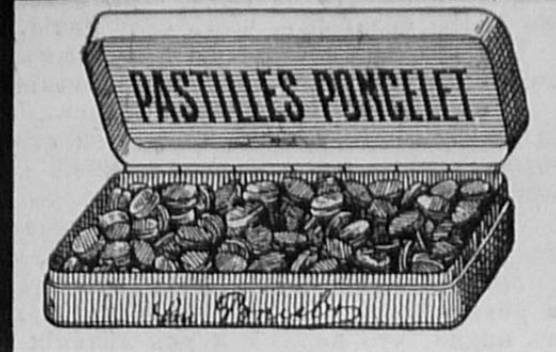
АЭРОПЛАНЪ, АВТОМОБИЛЬ и ЖИВАЯ ЛОШАДЬ.

Ученымъ комитетомъ при Святѣйш. Синодѣ „УЧЕНИКЪ“ допущенъ въ бібліотеки мужскихъ и женск. дух. училищъ. Подписная цѣна „УЧЕНИКА“ со всѣми приложеніями съ доставк. и пересылк.: въ 2.50 пол-года 1.25 три года 65 к. Редакт.-издатель Преподаватель С.-Петербургской 1-ой гимназій В. Янчевскій. Адресъ: С.-Петербургъ, въ контору журн. „УЧЕНИКЪ“, Невскій, № 112.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., ул. Гоголя, 22. **Каменскій, А.** Рассказы. Въ 3 томахъ. Изящное изданіе на хорошей бумагѣ, отпечат. четкимъ шрифтомъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Копир. **„РАЗВОДЪ“** быстро, успѣш. и деш. Литейный, 59, кв. 49

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ 20,000 различныхъ, гарантиров. настоящихъ. Превосходи. выборъ марокъ высылаютъ по желанію коллекционерамъ со скидкой отъ 40—60% ниже всѣхъ каталоговъ: **А. Вейсъ, Вѣна (Австрія), I, Адлергассе 8.** Покупка и обменъ марокъ. 36177

ПАСТИЛЬ ПОНСЕЛЭ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ КАШЛЯ, ПРОСТУДЫ, БРОНХИТА, и ГРИППА.

СРЕДСТВО ПРИЗНАНО ПРЕВОСХОДНЫМЪ — во Франціи уже 20 лѣтъ

ЕЖЕГОДНАЯ ПРОДАЖА 1 МЛН. КОРОБ. СОСАНИЕМЪ ЭТИХЪ ПАСТИЛОКЪ, ИМПЮЮЩИХЪ ПРЯТЫЙ ВКУСЪ, МОЖНО ПРЕДОХРАНИТЬ СЕБЯ ОТЪ ВСѢХЪ БОЛЬШЕЙ ГОРЛА и БРОНХОВЪ.

ЦѢНА КОРОБКЪ 90 КОП. **ПАСТИЛЬ ПОНСЕЛЭ** ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗ. **ТРЕБУЙТЕ ПОНСЕЛЭ.**

ТРЕБУЮТСЯ ПОВСЕМѢСТНО ДѢЯТ. АГЕНТЫ для продажи ходячихъ недорог. заграницныхъ мовивокъ. Побочный заработокъ. Проспекты бесплатно. Москва, коммерч. ящикъ 450.

Вышла изъ печати книга: **ПАПЮСЪ-Практическ. Магія.** I часть — 2 р. 40 к., II ч.—2 р. 90 к. съ перес. Принимается подписка на III ч.—2 р. 40 к. съ перес.

„ИЗИДА“ Журн. оккультныхъ (тайныхъ) наукъ. Пробныя №№ за двѣ 7 коп. марки, проспекты бесплатно. Складъ соч. по Оккультизму: **СПБургъ, 9 рота, 17-2.** 36187

ИЗВѢСТНЫЙ ПОВСЮДУ

21 г. практ. **ПРОФЕССОРЪ** **ОКУЛЬТИСТЪ-ПСИХОЛОГЪ,** **Ю. А. Шавель:**

Лично и заочно по прислан. фотогр. карточк. и почерку опредѣл. прош., настоящ. и будущее. (Необходим. сообщить имя, годъ, мѣсяцъ и число рожд.). Гипнотизм. Магнетизмъ; полезн. совѣты. **ТЕЛЕПАТИЧЕСКОЕ ВЛІЯНІЕ НА ЧЕЛОВѢКА въ ЦѢЛЯХЪ ДОСТИЖЕНІЯ ЖЕЛАЕМАГО** — (заочное внушеніе).

Подробности письмен., на отвѣтъ марку. Сеансы лично 1 р., заочно 3 руб. (Им. тысячи благодарностей отъ посѣт. и прессы). **Я ШАВЕЛЬ** вынулъ въ свѣтъ книгу нов. практ.

„АСТРОЛОГИЯ“

Рѣдчайшее сочиненіе, по котор. кажд. легко можетъ узнать свою и другихъ **СУДЬБУ:** найти свою звѣзду и путь къ **БОГАТСТВУ и ПОЧЕТУ.** Цѣна съ перес. 1 р. 25 к. Петербургъ, Николаевская, № 10, кв. 21. Телеф. 175-39. Отд. № 81. 36182

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІЯ

общедост. **ЗЛОЧНЫЕ** самообраз. **ПРОГР:** 2-ая итальян. и америк. коммерч. ариеметика, комм. корреспонд., комм. географ., товаровѣд., словарь комм. словъ, курс правописанія, каллигр., конт. скороп., исправл. почерка. **АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Отзывы изв. спец. благод. письма. Льготн. услов. **Прогр. пробн. лекц. выс. БЕЗПЛАТНО** Книг. „Круг. Самообр“ Спб., Невскій 92-11

во всѣхъ случаяхъ, когда требуется искусственное вскармливаніе, лучшей замѣной материнскаго молока для грудныхъ дѣтей со дня рожденія является

ПИЩА „АЛЛЕНБЭРИСЪ“

Фабрики „**ALLEN & HANBURYS LTD**“, London. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ПОЛНЫЕ ГОДОВЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ

„РЕМЕСЛЕННОЙ ГАЗЕТЫ“

и журн. „Технич. Сборн.“ и „Вѣстн. Пром.“ съ 1886 по 1906 г. (съ 1907 г. изданія прекращены и вновь не издаются), со всѣми приложеніями предлагаетъ Книжный магазинъ **К. А. Казначеева** (Москва, Новослободская ул., соб. д. № 17, бывш. Долгоруковская, 71.) по значительно пониженнымъ цѣнамъ. Магазинъ высылаетъ книги по техническимъ и ремесленнымъ произв., а также сборники рисунковъ (въ большомъ выборѣ, отъ 40 коп. за сборн. съ описан.) по мебели, столарн., кузнечн. и др. дѣлу. Новый каталогъ магазина на 1912 г. съ условіями выписки книгъ и оглавленіемъ сборниковъ и рисунковъ высылаются по требованію бесплатно. Пробный № „Ремесл. Газеты“ съ образцами рисунковъ по разнымъ ремесламъ и подрѣн. оглавленіемъ одного изъ годовыхъ высылается за 28 коп. почт. маркамъ. 36193

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ,

МОСКВА, Петровка, соб. д. **ОТДѢЛЕНІЕ МОДНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ и ВЫКРОЕКЪ.** ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ на **МОДНЫЕ ЖУРНАЛЫ** французскіе, англійскіе и нѣмецкіе. **Громадный выборъ выкроекъ готовыхъ и на заказъ.** Каталогъ журналовъ и выкроекъ, по требованію, высылается бесплатно. 36175 2-1

РОСКОШНЫЙ БЮСТЬ.

Каждая изъ Васъ, уважаемая читательница, можетъ развить свой бюстъ, увеличить его или же изъ вялаго сдѣлать упругимъ и гармонически развитымъ благодаря моему новому способу, методу Гренье. Я счастлива, что имѣю возможность, безъ примѣненія запрещенныхъ внутреннихъ средствъ, омолодить женщинамъ дать, а другимъ, независимо отъ возраста, вернуть и восстановить упругость и красоту формы, отсутствующей или увиданіе которыхъ приводитъ въ упадокъ, разрушаетъ планы и часто дѣлаетъ женщину несчастной. Если природа не надѣлила Васъ роскошными формами, если Вашъ бюстъ малъ, опущенъ или вялый, то обратитесь ко мнѣ, и Ваша мечта сбудется. Мой способъ настолько простъ, что Вы можете пользоваться имъ тайно, безъ посторонней помощи, такъ что Ваши знакомые и близкіе, не подозревая причины, уже черезъ короткое время будутъ поражены переменою происшедшей въ Вашей фигурѣ. Пишите мнѣ сегодня же, и Вы будете мнѣ такъ же благодарны, какъ и тысячи другихъ женщинъ, обратившихся ко мнѣ въ Нью-Йоркѣ и Парижѣ.

Превосходное дѣйствіе моего привлекательнаго метода засвидѣтельствовано нотаріальными документами, сходными же лишь по названію способы или средства, появившіяся во Франціи и Россіи, не болѣе, какъ неудачныя подражанія, противъ которыхъ я искренне предостерегаю. Итакъ, пишите мнѣ какъ другу, и немедленно отвѣчу Вамъ въ закрытомъ конвертѣ, безъ обозначенія моего имени, чтобы сохранить Вашу переписку со мною въ секретѣ. Мои проспекты выдаются бесплатно, а высылаются за 3 марки по 7 коп.

ЖАННА ГРЕНЬЕ, Москва, Петровка, д. „Якорь“, кв. 49, отд. 130.

Для интересующихся методомъ особая приемная, открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 ч. утра до 10 ч. веч. Телефонъ 272-96. 36191

Бывшій сотрудникъ „Bureau graphologique Paris“ анализируетъ **МУЖСКИЕ ПОЧЕРКИ** даетъ опредѣленный, характерный, образ. Графологическій анализъ 1 руб. (можно почт. марками). Адресъ: гор. Одесса, ул. Кондратьева тенько, 3. ФРД. ПАУКСТИНЪ. 4-2

Д-ра ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ „Маріенбадскія Редукціонныя Цилюля“ противъ

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство. Настоящая упаковка въ коробкахъ краснаго цвѣта съ описаніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 36196